

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ДМИТРИЙ ЕВДОКИМОВ

БРЕТЕР НА ВЕС ЗОЛОТА

Ан гард, господа!

Annotation

Чтобы выжить, дворянин из разорившегося рода вынужден браться за грязную работу. Запятнанная честь, опасные хлопоты — вот что ждет его в случае неудачи. Но если при тебе фамильная шпага, а в друзьях эльф-изгнанник и разжалованная амазонка — все возможно во времена шпаги и кинжала, заносчивых дворян и отважных дуэлянтов!

Дмитрий Евдокимов

Бретер на вес золота

Оформление Сергея Курганова

© Дмитрий Евдокимов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Слава богу, что солнце уже успело взойти и залить ровным светом хорошо утоптанную поляну в заброшенном саду какого-то разорившегося вельможи. А то, знаете ли, староват я уже для сумеречных танцев со шпагами, тем более когда танцуешь сразу с двумя партнерами. То бишь противниками.

Двое юных, но зато чрезвычайно заносчивых высокородных дворянчиков из всех сил старались спрятать свой страх за бравадой и грубыми попытками вывести меня из равновесия различными оскорблениями.

— Ну, давай же, нищесброд, чего ты медлишь? — кричал высокий, стройный брюнет, обладатель больших голубых глаз и покрытых нежным золотистым пушком румяных щек. — Это все, на что ты способен?

— Он уже старый, Шарль, вот-вот сам развалится, — вторил ему невысокий пухлый блондинчик, показушно выстукивая выставленной вперед правой ногой вызов. — Ну же, давай, иди ко мне!

Ну, это ты зря, малыш! Мне всего-то тридцать лет, и разваливаться я пока не собираюсь. Да и было бы от чего! Я с шестнадцати участвовал в «тихой» войне, длившейся почти семь лет. Это когда при молчаливом согласии властей приграничные землевладельцы Эскарона и Нугулема с упоением резали друг друга в попытках закрепить за собой как можно больший кусок спорной территории. Да я в вашем возрасте на Красной излучине рубился с нугулемцами при соотношении сил один к трем не в нашу пользу. Так что с вашей стороны довольно-таки глупо считать, что вы в состоянии доставить мне неприятности. Дурачки! Даром, что сынки богатых родителей.

— Жан-Пьер! — вновь берет слово брюнет. — Он всего три атаки провел и даже толком приблизиться ко мне не сумел!

Ух ты! Это где же он три атаки разглядел? Фехтование еще и не начиналось! Пока все, что я делал, — это лишь постоянно смещался по кругу влево, ставя противников таким образом, чтобы они все время чуть-чуть мешали друг другу и не выходили ко мне во фронт сразу вдвоем.

— Шарль, а у него камзол был черным и выцвел или был серым и так замызгался? — это опять блондин.

— Да кто его знает, похоже, им пол мыли неоднократно! — Брюнет аж прихрюкнул от удовольствия, так ему собственная колкость понравилась.

На этом месте разглагольствования юнцов закончились, потому что я сделал быстрый шаг вперед, отбросил клинок брюнета влево, поднырнул ему под руку, мимоходом пихнув локтем под ребра, и в следующий миг оказался прямо перед не ожидавшим такого развития событий блондином. Прежде чем тот сумел хоть что-то предпринять, мой клинок слегка полоснул его по боку.

Дико завизжав, Жан-Пьер выронил шпагу и попытался зажать рану обеими руками. Но я не оставил его в покое — схватив левой рукой за шею, запустил его навстречу бросившемуся на выручку Шарлю. Упав под ноги товарищу, блондин, все так же противно визжа, принялся кататься по примятой траве, а получивший пару дюймов стали в левую ключицу брюнет, сильно побледнев, медленно осел на землю.

— Он убил меня, Шарль, убил! Боже мой, как больно! — истерил пухлый блондин.

— Что теперь будет? — мужественно просипел Шарль, зажимая рану правой рукой.

— Да ничего, — спокойно ответил я, — сейчас скажете, что были не правы, и можете идти к ближайшему лекарю. Или домой, если хватит сил дойти и если у вас есть семейный лекарь. Ну а если не признаете свою неправоту, то... — я выразительно взмахнул шпагой, пытаясь стряхнуть с ее кончика каплю крови.

— Я не могу идти, я умираю! — продолжил орать Жан-Пьер.

— Может, добить его? — задумчиво спросил я у брюнета.

— А! Нет! Нет! — неожиданно блондин вскочил и довольно шустро побежал к пролому в ограде сада.

— Доброе слово творит чудеса! Ну же, сударь! — обернулся я к Шарлю, которому теперь предстояло отвечать за себя и за друга.

— Мы были не правы, шевадье, — с трудом выдавил из себя брюнет, — приносим вам наши извинения.

Что ж, большего мне и не требовалось. Можно было, конечно, стать в позу и потребовать шпаги молокососов, чтобы потом взять за них выкуп, но, во-первых, наш спор не стоил и выведенного яйца, а во-вторых, не хотелось вызывать на месть их заносчивую родню. Зачем мне эти проблемы? А так — и вежливости мальчиков научил, и отделались они легкими ранениями. Особенно блондинчик. Лекарь промоет его царапину, и через неделю от нее и следа не останется. С брюнетом не так аккуратно получилось, но тоже ничего страшного. Надеюсь, что эти раны добавят молодым людям мозгов, а не заставят их кровь кипеть от бессильной злобы.

Если тебе уже тридцать лет, а ты не устроил свою личную жизнь, если у тебя по-прежнему ни гроша в кармане, а родовое поместье заложено-перезаложено еще твоими предками, если ты снимаешь дешевую комнату в дешевой гостинице, если ты не смазливый красавчик, чтобы пользоваться успехом у прелестных и богатых дам, то ты — никто. Именно никто. Вообще-то, я — мелкопоместный дворянин Рене Орлов, потомок выходцев из Ориосии, сто с лишним лет назад поступивших на службу к королям Эскарона и благополучно осевших в королевстве. И в этот момент я тоскливо глядел на маленькую пирамидку из медных монет, возвышающуюся на грубо сколоченном столе. Деньги стремительно заканчивались. Его величество Филипп Восьмой принципиально не хотел ссориться ни с кем из соседей. А в отсутствие войны чем заработать на пропитание дворянину, не отягощенному родительским наследством? Поступить на воинскую службу, получить должность в одном из департаментов, наняться в охрану к богатому вельможе или в сопровождение купеческого каравана или податься в наемники. Но армия и департаменты давно укомплектованы, богатых вельмож, нуждающихся в охране, не так уж много, да и те предпочитают набирать себе на службу бедных родственников, наемников чаще всего набирали в Нугулемском королевстве — исконном враге Эскарона, поэтому эскаронские дворяне предпочитали такому наемничеству охрану купцов.

Именно этим я и занимался последние шесть лет. Поначалу купцы не скупились. Наличие в караване хорошо обученного военному делу дворянина весьма повышало шансы доставить товары по назначению без приключений в дороге. Для дворянина же работа считалась не очень престижной, но позволяющей безбедно существовать даже в столице страны — Монтере. Временами у меня получалось гасить долги банкирам за имение и даже посещать фехтовальный зал маэстро Дюмуа.

Но мирная политика короля Филиппа все больше давала о себе знать. Дороги в королевстве становились все более безопасными, купцы все больше и больше снижали плату за услуги, а часто и вовсе довольствовались своими охранниками из простолюдинов. И мое финансовое благополучие сначала пошатнулось, а две недели назад и вовсе рухнуло в пропасть — от моих услуг отказался последний купец. Стараясь не поддаваться отчаянию, я еще раз подал прошения на поступление в два гвардейских полка. В одном сразу получил отказ, из другого отказ прислали с посыльным сегодня утром. Надежды больше не было. От безнадеги посещала даже мысль податься в Нугулемское королевство, записаться в наемники, но под предлогом ожидания ответа из гвардейского полка горе-наемник проел те деньги, на которые мог бы туда добраться.

И вот сегодня получен отказ и из второго полка. Мир грозил окончательно рухнуть в тартарары. Денег оставалось удручающе мало — не хватало даже на оплату гостиницы. С сегодняшнего дня хозяин имел полное право выставить шевалье Орлова за дверь. Можно, конечно, договориться о кредите, я прежде всегда был аккуратен с долгами. Но дело в том, что на этот раз денег было взять решительно негде. В самую пору пожалеть о своем утреннем великодушии: с дерзких юнцов можно было бы поиметь хоть немного монет.

— Ка-та-стро-фа! — произнес по слогам разорившийся дворянин, с удивлением вслушиваясь в звуки собственного голоса, на мой неискушенный взгляд, звучавшего слишком спокойно, что не соответствовало трагизму ситуации.

— Пойти в уличные грабители? Или свести счеты с неудавшейся жизнью? — Снова не то, голос никак не хотел срываться на крик отчаявшегося человека. — Дело все в том, — продолжал я беседу с самим собой, — что я еще сам не верю в свершившийся факт. Но ничего, — тяжелый вздох сопровождал подъем на ноги и путешествие к выходящему на Вторую Ремесленную улицу окну. За окном город жил своей обычной размеренной жизнью, в которой никак не находилось места шевалье Орлову. Из моей груди вырвался еще один вздох.

— Ну какой из меня грабитель? Пес, всю жизнь охранявший стадо от волков, не сможет сам превратиться в волка. Придется, видимо, того... Знать, время пришло... Яду принять, что ли? Это сейчас модно. — Минуту помолчав, передумал: — Нет, какого еще яду? Яд денег стоит, даже мышьяк. А денег-то как раз и нет. Может, застрелиться? Это тоже еще не вышло из моды.

На этот раз пауза растянулась на несколько минут, в течение которых прозвучало лишь несколько вздохов.

— Нет, не смогу. Нет во мне такой отваги, нет.

Понуро опустив голову, я вернулся к столу, присел на краешек лавки и, упершись локтями в колени, обхватил голову руками. Мучительно было сознавать, что, не сумев занять достойное место в жизни, не имеешь решимости и достойно покинуть мир.

— Может, выйти на улицу и задирать попадающихся на пути дворян — таким манером можно за какой-то час получить вызов на десяток дуэлей, — продолжил я свои терзания. — Да нет же! Люди-то в чем виноваты? К тому же дуэль может закончиться не смертью, а ранением. Следовательно, опять нужны будут деньги на лечение. Ерунда какая-то.

Именно в этот момент раздался робкий стук в дверь, который я, занятый своими мрачными размышлениями, пропустил мимо ушей. Но спустя минуту в дверь постучали еще раз, уже гораздо настойчивее.

— Войдите! — откликнулся я, не отнимая рук от лица.

В мою комнату с самым несчастным видом протиснулся хозяин трактира «Серебряный олень» мэтр Фернан Пигаль.

— Легок на помине, — прошептал я, готовясь выслушать неприятное.

М-да. Видок у мэтра Пигаля был такой, будто ему предстояло проглотить шпагу. Соломенные волосы растрепаны, лицо бледнее мела, по левому виску тонкой струйкой стекает пот. Трактирщик, шаркая ногами, дотащился до стола и остановился напротив меня. Его жилистые руки нервно мяти серый колпак, в котором он обычно красовался за стойкой.

Руки от лица я так и не отнял. Но пальцы растопырил пошире и с неммым удивлением наблюдал за происходящим. Что же ему понадобилось? Комната оплачена по сегодняшней день, в трактире я если и кормился в долг, то всегда исправно расплачивался. За время проживания в «Серебряном олене», а прожил я здесь год с небольшим, никаких оргий и дебошей не устраивал. Претензий ко мне быть не должно. Разве что... Разве что Фернан Пигаль умеет читать мысли и, зная мое безысходное положение, пришел освободить помещение от ставшего проблемным клиента? Ну-ну.

— Ше-ше-шевалье О-Орлов, — заикаясь, выдавил из себя Пигаль, все так же яростно теребя пальцами свой колпак, — можете ли вы у-уделить мне не-несколько минут вашего драгоценного времени?

— Конечно, мэтр, я к вашим услугам, — со вздохом я опустил-таки руки и уселся поудобнее за столом, — присаживайтесь, любезный.

Трактирщик судорожно отвесил мне поклон, сделал шаг вперед, потом отступил назад, затем все-таки решился и присел на самый краешек лавки напротив меня.

— Да успокойтесь же, мэтр Пигаль, что стряслось, на вас ведь лица нет?

— Сударь! — выпалил неожиданно трактирщик, словно решившись на какой-то отчаянный поступок, но тут же опомнился, вскочил на ноги и, понуро опустив голову, продолжил говорить так же робко и заикаясь, как прежде. — Сударь! Вы уже долго проживаете у нас. Из этого я могу сделать вывод, что вас все устраивает в «Серебряном олене»?

— Я согласно кивнул головой, все еще ничего не понимая, а ободренный трактирщик продолжил уже более уверенно:

— Шевалье Орлов! Я знаю вас как благородного, ответственного и благоразумного молодого человека, к тому же храброго, опытного в военном деле и мастерски владеющего шпагой!

Я в немом изумлении поднял брови. Похоже, что дело принимало весьма неожиданный оборот.

— Да-да, месье, не отрицайте! — продолжал хозяин трактира. — Вы ведь охраняли купеческие караваны, а это дело нелегкое! Я знаю, что дважды вы возвращались с ранениями, слава богу, не тяжелыми. А кроме того, три месяца назад вы весьма ловко проткнули шпагой очень воинственного господина, которому вздумалось нанести вам оскорбление! Да. А когда вы только поселились у нас, вы тоже дрались на дуэли, и тоже успешно. Да и сегодня утром вы встречались с молодыми дворянами, дерзившими вам вчера вечером, а поскольку вы вернулись невредимым, то, значит, опять победили...

— Да, было дело, — я пожал плечами, торопясь остановить перечисление ситуаций, в которых не видел оснований для гордости, — но, откровенно говоря, все эти господа были неважными фехтовальщиками, так что не стоит спешить с выводами.

— А еще вы однажды бесстрашно разогнали грабителей, напавших вечером на

кондитерскую мэтра Бунье!

— Ах, полноте, мэтр Пигаль, — я пренебрежительно махнул рукой, — это же обычные мужланы, не знающие, с какой стороны братья за оружие. Это тоже было нетрудно!

— Возможно, месье, возможно, — трактирщик, уже освоившись в моей комнате и убедившись, что со мной можно нормально разговаривать, снова присел на краешек лавки. — Возможно, это не было трудно, но, уверяю вас, не каждый дворянин поспешил бы на помощь простому кондитеру!

— Полноте, мэтр! Долг каждого дворянина — помогать слабому, защищать короля, закон и святую церковь. Вы сейчас пытаетесь бросить тень на благородное сословие, дорогой хозяин, ни больше ни меньше!

— Ах, сударь! — воскликнул Пигаль, ничуть не испугавшись предъявленного ему обвинения. Кажется, мои слова его растрогали, потому что в его глазах блеснули слезы. — Ах, сударь! Эти ваши слова только подтверждают, что мы в вас не ошибаемся! Сударь, умоляю, спасите нас от разорения, примите мое предложение и возьмите трактир «Серебряный олень» под свою защиту!

— Чего-чего? — мои глаза дружно полезли на лоб, мысли хаотично метались в голове в тщетной попытке понять, что же хочет от меня этот человек. — Что значит взять под защиту?

— Ме-месье О-Орлов! — вновь отчаянно заикаясь, проблеял мэтр Пигаль. — Я... я хотел бы пре-едложить вам ра-ра-работу по ох-охране... У нас в трактире! — последнюю фразу он словно выдохнул на остатке сил. Руки его отчаянно тряслись, лицо покраснело от неимоверного нервного напряжения, пот катился градом.

Потому что в тот же миг кровь с бешеной силой ударила мне в голову, в глазах потемнело. Так вот в чем дело! Этот низкий тип пытается нанять меня вышибалой в свое третьесортное заведение! Меня! Потомственного дворянина, да еще с ориосскими корнями! Да это неслыханно! Ну, погоди у меня, мерзавец! Я стремглав метнулся к кровати, где прислоненной к стене стояла моя наточенная и начищенная до зеркального блеска шпага. Во мгновение ока я обернулся и очутился перед опешившим трактирщиком с обнаженным клинком в руке.

— А-а-а! — только и смог сдавленно прохрипеть трактирщик, обнаружив, что ситуация за какие-то секунды кардинально изменилась.

— Ах ты, тварь, — прошипел я, с трудом удерживаясь от немедленной расправы над рухнувшим на колени хозяином трактира, — ты мне трактирным вышибалой предлагаешь поработать?!

Не знаю, как бы развивались события дальше. Скорее всего, ничем хорошим это бы не окончилось ни для незадачливого мэтра Пигаля, ни для обанкротившегося потомка давно обедневшего дворянского рода. На наше общее счастье, дверь неожиданно распахнулась и в мою комнату ворвался щупленький светловолосый паренек лет шестнадцати от роду. Это был Жерар — осиротевший племянник трактирщика. Пару месяцев назад тот привез мальчишку из провинции и взял в свою семью.

— Пойдите, месье, остановитесь!

Надо отдать должное мальчишке — он совершенно бесстрашно оттер своего родственника назад, подставив тем самым под мой клинок свою тощую грудь.

— Месье Орлов, дядя не виноват! Это была моя идея, это я предложил попросить у вас защиты! Но это ведь долг настоящего рыцаря — защищать слабых! Если вы нам не поможете, то нас уже ничто не спасет!

— В вашем заведении уже есть двое вышибал — Жан и Поль, кажется, или Пьер и Серж, — произнес я, грозно сдвинув брови к переносице. Ярость все еще клокотала в моих жилах, но я-то себя хорошо знал — если не убил в самый первый момент, то уже не смогу. Вспыльчив, но отходчив.

— Жак и Пьер, сударь, — мальчишка если и испугался моего грозного вида, то не подал виду, — они отлично справляются со своими обязанностями. У нас не возникает проблем с ремесленниками, крестьянами и купцами, но вот с дворянами... Перед ними мы совершенно беззащитны, охранники не посмеют и пальцем тронуть кого-либо из благородного сословия. И мы, месье Орлов, вовсе не хотим вас обидеть, конечно, не предлагаем вам стать вышибалой, а всего лишь просим защитить нас от нечистоплотных дворян.

— Парень, что ты несешь? Как могут дворяне угрожать вашему заведению? Да им дела нет до какого-то там трактира!

— К сожалению, сударь, не все дворяне так благородны и честны, как вы. Уже несколько недель нас посещает маркиз де Аламеда. И каждое его посещение приближает крах трактира «Серебряный олень».

— Это каким же образом? — от удивления я наконец-то опустил шпагу, которую, надо признаться честно, уже и не собирался применять.

Мой жест доброй воли не остался незамеченным. Младший Пигаль облегченно вздохнул, постаравшись сделать это как можно тише. Я в очередной раз восхитился мальчишкой — далеко пойдет. Дядюшка его тоже заметно успокоился и, поднявшись с колен, утирал выступивший на лбу пот своим серым колпаком.

— Ох, месье, — пробормотал он, — много ли труда нужно, чтобы испортить репутацию трактирщику?

— Ну, вот что, господа Пигали! — Я отбросил шпагу на кровать и уселся за стол, демонстративно положив руки на грубую столешницу. — Давайте-ка прекратим разговаривать загадками. Выкладывайте все по порядку, пока я не потерял к вам интерес!

Дядя с племянником переглянулись, неспешно расселись на лавке по другую сторону стола. Потом снова переглянулись, и, наконец, решившись, инициативу взял на себя Жерар. По всему выходило, что язык у него подвешен гораздо лучше дядино.

— Месье Орлов, в нашем квартале имеются два трактира — «Серебряный олень» и «Белая лилия».

Он вопросительно взглянул на меня, и я утвердительно кивнул головой. «Белая лилия» располагалась в глубине квартала, тогда как трактир мэтра Пигаля стоял на пересечении Второй Ремесленной улицы и Восточного тракта. Несколько раз я посещал «Лилию» чисто из гастрономического интереса. О том, что цены на комнаты там высокие, я и так был наслышан. Кормежка тамошняя мне тоже не понравилась, поэтому завсегдаем я не стал, отдав предпочтение кухне «Оленя».

— Так вот, раньше дела в «Белой лилии» шли не в пример лучше, нежели сейчас. Но потом батюшка нынешнего короля Филиппа построил новый мост через Солу и из захудалой улочки сделал нынешний оживленный Восточный тракт. С тех пор дела «Серебряного оленя» пошли в гору, а «Лилия», наоборот, стала менее посещаемой. Тут бы ее владельцу мэтру Пуйолю призадуматься да привлечь посетителей хорошей стряпней и низкими ценами. Но он решил сделать упор на блестящую обертку. Потратился на роскошный ремонт и задрал цены до небес, полагая, что к нему будут валом валить аристократы и богатые купцы. Да только ничего не вышло. Аристократы предпочитают селиться не в ремесленных кварталах, а

большинство богатых купцов скорее практичны, нежели тщеславны. Да и страпня в «Лилии» всегда оставляла желать лучшего.

В общем, дела у «Белой лилии» идут плохо. Трактир всегда полупустой, и большая часть комнат остается незаселенной. Соответственно доходы низкие и помещения постепенно ветшают. Во всех своих бедах мэтр Пуйоль винит дядю Фернана, и, нужно признать, не зря. Благодаря дядюшкиным трудам все окрестные улицы предпочитают посещать «Серебряный олень», а количество постояльцев постоянно увеличивается. Дядюшка правильно ведет дела, но никогда не делает ничего предосудительного. А вот мэтр Пуйоль придумал очень грязный ход.

Достоверно неизвестно, каким именно образом, но он привлек на свою сторону маркиза Аламеда. Есть слухок, что Пуйоль выкупил карточные долги маркиза и предложил таким своеобразным образом их отработать. И теперь маркиз чуть не каждый день появляется в нашем трактире, заказывает обед или ужин и каждый раз устраивает громкий скандал. То суп пересоленный, то мясо пережарено, то вино прокисшее. Несколько раз слугам доставались зуботычины, а однажды он запустил в меня кувшином! Попасть не попал, но половину зала залил вином, другим посетителям досталось, а ему хоть бы что! Заявил, что я посмел подать уксус вместо красного рандерского!

— Ах, сударь! Мало того, что он чаще всего совсем не платит за то, что съел и выпил, так еще и народ отпугивает от нашего заведения! Зато нахваливает «Белую лилию»! Если поначалу посетители смотрели на его представления с недоумением, то теперь уже задумываются: а может, их тут и вправду отбросами кормят? Уже наметился отток клиентов, месье Орлов, этот маркиз пустит по ветру дело, которое на протяжении пяти поколений кирпичик за кирпичиком выстраивает семья Пигалей! Мы в отчаянии, сударь!

— Э-э, но... — протянул я, совершенно ошеломленный выплеснувшейся на меня информацией, — но почему вы не обратитесь в Городскую стражу? Кажется, это по их части?

— Ах, шевалье, — печально покачал головой Пигаль-старший, — мы обращались. И едва не угодили под арест за клевету на благородного человека. Пришлось еще и заплатить начальнику смены, чтобы отпустил нас домой.

— М-да... — задумчиво глядя в окно, я попытался разобраться в ситуации. Неслыханное дело, чтобы дворянин занимался наведением порядка в каком-то там трактире. Можно сказать, что подобное просто недопустимо. С другой стороны, маркиз ведет себя абсолютно неподобающим образом. Если, конечно, это так. Нельзя ведь сбрасывать со счетов и возможную непорядочность владельцев трактира. Ну, это-то можно проверить. Что же делать, если месье Аламеда действительно ведет себя по-свински? Тогда получается, что мальчишка прав и долг порядочного человека — восстановить справедливость. Что ж, делай, что должен, и будь что будет! Да, они ведь что-то пытались сказать насчет оплаты. Хм, это то, чего мне сейчас точно не хватает. Посижу вечером в трактире, посмотрю на поведение маркиза, если будет бузить, пристыжу его. Уймется — ну и хорошо, не уймется — ну и дуэль! Одолею его — заработаю денег, не одолею — не поминайте лихом шевалье Орлова! Ведь всего полчаса назад я мечтал об этом.

— Ну, хорошо. Я понаблюдаю за этим вашим маркизом. Вечером засяду в трактире, когда месье Аламеда заявится, каждое заказанное им блюдо приносите и мне. Так сказать, для чистоты эксперимента. М-да... — тут мне пришлось поскрести затылок, — надеюсь, мне хватит денег оплатить такой ужин...

Не буду кривить душой: произнося это, я скромно надеялся, что хозяева трактира предложат взять на себя эти расходы. Нет, конечно же, я готов сражаться за справедливость, не требуя никакого вознаграждения, но, учитывая мое прискорбное материальное положение, хотелось бы все-таки надеяться...

Дядя с племянником бросили снисходительные взгляды на столешницу, где аккуратной, но очень маленькой пирамидкой возвышались все мои сбережения.

— Месье Орлов, — у Фернана наконец-то прорезался голос, — не истолкуйте наши слова превратно, уверяю вас, что мы ни в коем случае не хотим бросить тень на ваше доброе имя. Но мы хотели бы предложить вам более долгосрочное сотрудничество, нежели один вечер присмотра за маркизом.

— Мы понимаем, — подхватил племянник, — что господа дворяне доселе не занимались охраной трактиров, но ведь, по сути дела, это то же самое, что и охрана купеческих обозов. Один только слух о том, что дебоширам и грубиянам придется объясняться с дворянином, заставит присмиреть большую часть буйных голов. Кто же захочет буяннить, рискуя получить пару ударов шпагой?

— Угу, — я постарался напустить в голос как можно больше сарказма, — насчет большинства буйных голов вы правы — но с ними справляются и ваши громилы. Мне же придется иметь дело преимущественно с дворянским сословием, следовательно, я буду гарантированно иметь две-три дуэли в неделю. Фехтовальщик я не самый выдающийся, поэтому вряд ли протяну долго не то что на вашей работе, но и вообще на белом свете. И это еще полбеда, если меня просто убьют. А если получу тяжелое увечье? (Легкие ранения я даже не принимаю в расчет, хотя лечение стоит немалых денег!) Тогда мне придется либо умирать долго и мучительно — от голода и болезней, либо быстро прекратить свои страдания, что очень не приветствуется нашей церковью.

— Но ведь, охраняя купцов, вы рисковали не меньше, — осмелился возразить Жерар.

Замечание было справедливым и особо возразить было нечего. Пришлось мне в смущении вновь почесать затылок. Ну не умею я торговаться, не умею!

— Ну, — протянул я в замешательстве, — понимаете... Охрана купцов считается не очень престижным, но все же допустимым занятием для дворянина. А вот трактиры охранять — такого действительно еще не бывало.

Оба Пигаля снова переглянулись. И старший едва заметно кивнул, давая свое согласие на что-то, обговоренное ими заранее.

— Сударь, мы не королевское казначейство, — смущенно начал юноша, — и не можем предложить вам столько, сколько платят гвардейцам или королевским мушкетерам, но мы можем предоставить вам бесплатное жилье, питание за счет заведения и в придачу три серебряные монеты в неделю.

У меня аж дыхание перехватило от неожиданности. И пришлось приложить максимум усилий, чтобы сохранить бесстрастное выражение лица. Ну и ну! Видимо, дела у господ Пигалей идут неплохо, несмотря на все потуги маркиза. Мне предложили жалованье, какое уже больше года невозможно было получить у самого щедрого купца. Знали ли об этом трактирщики? Что-то мне подсказывало, что знали. Потому и оставили этот козырь напоследок, так сказать, в виде последнего и самого надежного средства склонить чашу весов в свою сторону. И были правы, оплата услуг такого размера сразу заставляла более позитивно смотреть на моральную составляющую этих самых услуг. Я по-прежнему осознавал, что, согласившись на охрану трактира, фактически поставлю себя в положение

изгоя благородного общества. Но если уж рассудить по справедливости, то ничего предосудительного в этой работе не было. Когда-то и охрана купцов считалась недостойным благородной крови занятием. Но постепенно общество привыкло к новым реалиям. Привыкнет и к этому. Плохо только то, что в роли первопроходца, которому обычно достаются все шишки и ссадины, предстоит выступать именно мне. Правда, каждый первопроходец всегда тешит себя мыслью о наградах: ну, там всяких дворцах, принцессах, титулах или просто сундуках с драгоценностями. Но я не настолько наивен — тут явно не тот случай.

Об опасностях тоже не следует забывать. Я вовсе не для красного словца упомянул трактирщикам об ожидающих меня дуэлях со всеми вытекающими из них возможными последствиями. А как вы себе представляете усмирение буйного дворянства? Хорошо, если кого-то удастся пристыдить, но боюсь, что в большинстве случаев реакцией на мое вмешательство будет хватание за шпагу.

Что ж, в конце концов, еще полчаса назад я искал способ покончить счеты с этой неудавшейся жизнью. А тут само провидение предоставляет мне шанс либо заработать на жизнь, либо, и здесь оступившись, погибнуть.

Все эти мысли промелькнули в моей голове за одно мгновение. Я поднял взгляд на напряженно ожидающих моего ответа Фернана и Жерара.

— Немного не так, милостивые государи, — я решил внести в договор некоторые поправки, так как в отношении бесплатного питания у меня имелся опыт работы с купцами, — с бесплатным жильем согласен. А вот питание за счет заведения давайте заменим еще на один серебряный в неделю. Таким образом мы уйдем от ненужной конфронтации на почве вечных подсчетов съеденного и не съеденного.

Это был немного рискованный ход. При соглашении о бесплатной кормежке хозяева могли укладываться и в половину этой суммы. Но за мной всегда было бы право выражать недовольство и требовать других блюд, а особенно — напитков. Не один купеческий договор был разорван из-за подобных конфликтов.

— Ну, раз вы так полагаете... — Жерар опять переглянулся с дядей.

— Я не полагаю, с этой проблемой сталкивался не один раз.

— Хорошо, — юноша поднялся, выжидательно глядя на старшего родственника.

— Хорошо, — обрадованно повторил Фернан, в свою очередь поднимаясь, — четыре серебряных в неделю и бесплатное проживание за вашу защиту.

— Договорились! — я протянул руку трактирщику. Тот, подобострастно склонившись, пожал ее. Сделка была заключена.

Сюрпризы, однако, на этом не закончились. Оказалось, что мне необходимо сменить комнату в связи с намечающимся здесь ремонтом. Последний месяц по гостинице действительно сновали рабочие, стук молотков и лязг пил слышались до позднего вечера — мэтр Пигаль активно ремонтировал свое хозяйство. В совокупности с тем фактом, что я не поставил никаких особых условий относительно своего проживания в «Серебряном олене», можно было сделать вывод об отсутствии в этом требовании злого умысла.

У меня шевельнулись было нехорошие мысли в голове, когда выяснилось, что мое новое жилище расположено на чердаке дома. Но, поднявшись вслед за Жераром по недавно устроенному лестничному маршу под самую крышу здания, я обнаружил, что бывший чердак практически превращен еще в один жилой этаж. Правда, объем его из-за наклонных поверхностей кровли получился поменьше и, собственно, помещений здесь было всего два

— одно в данный момент использовалось как хозяйственный склад, второе — как раз и являлось моими новыми апартаментами.

Едва войдя в комнату, я сразу понял, что, несмотря на абсолютно не престижный чердачный этаж, жалеть о старой комнате не буду ни мгновения. Мое новое жилье оказалось раза в три больше предыдущего, ровно посередине противоположной от входа стены располагалось огромное окно, выходившее во внутренний двор трактира. Подшитый свежей сосновой доской потолок был наклонным: у входа в комнату его высота превышала четыре метра, а у окна снижалась примерно до двух с половиной. Все стены тоже были аккуратно зашиты доской и побелены известью. Картину общей свежести немного портило окно — оно было старое, местами растрескавшееся, застекленное преимущественно разновеликими обрезками стекла, к тому же затянутое паутиной и сильно грязное.

Посреди комнаты, боком к окну, стоял грубо сколоченный стол и приставленные к нему широкие лавки. У дальней, торцевой стены располагалась вполне приличного вида деревянная же кровать. Еще из мебели имелись древний платяной шкаф и — приятная неожиданность — накрытое нарядной накидкой кресло.

— Что ж, — я удовлетворенно кивнул головой, — вполне приемлемо. Даже лучше, чем было.

— Мы старались, сударь, — Жерар явно был польщен. — Только вот окно пока не получилось заменить и мебель старовата — ремонт затеяли большой, денег сразу на все не хватает...

— Ерунда, меня здесь все устраивает. А что в соседних помещениях?

— Напротив вашего — такое же помещение, только без окна. Планируем перенести туда часть кладовой. По крайней мере, продукты, не нуждающиеся в холоде. А может, потом приспособим подо что-то другое, пока не знаем точно. Остальные комнаты годятся только под какие-нибудь подсобки — низкие и без окон.

— Понятно, — откликнулся я, продолжая осматриваться в комнате. — Ладно, молодой человек, я перенесу вещи и спущусь в трактир, чтобы согласовать наши действия. Во сколько появляется этот ваш маркиз?

— Часам к девяти вечера.

— Отлично, у нас еще уйма времени.

Юноша умчался вниз чрезвычайно довольный — и тем, что получилось договориться с дворянином, и тем, что без проблем удалось переселить меня на чердак. Я же медленно побрел собирать свои немногочисленные пожитки, на ходу борясь со вновь накатившими сомнениями и мучительно пытаюсь примириться с мыслью, что я нанялся на работу в трактир. Что бы сказали мои родители? И как отнесется к этому благородное общество?

Ветки и листья яростно хлестали по лицу, сверху лились потоки дождевой воды, заливая глаза, проникая за ворот, в рукава, в сапоги. Иногда сквозь просветы в кронах деревьев проглядывал насмешливый желтый глаз Веты — ночного светила. Верному Атору пока еще удавалось выбирать дорогу в ночном, поливаемом сильным весенним дождем лесу, но это не могло продолжаться вечно. Пару раз его копыта поскальзывались на мокрой траве и глинистых участках. Если не снизить скорость, можно серьезно покалечить великолепного скакуна. Тем более что она опять потеряла след злоумышленников.

Графиня Флоримель, амазонка, первая наследница аллорийского герцогского дома д'Астра, остановила коня и прислушалась, попыталась настроиться и послушать лес. Раньше часто получалось, но это было раньше. Тогда она была спокойна и уравновешенна, тогда рядом были наставники, всегда готовые подсказать и объяснить происходящее. А сейчас — возбуждение погони, ночь, ветер, разрозненные крики поотставших всадников замковой охраны. И дождь. Его шум забивал, приглушал все остальные звуки, заставлял замолкнуть, забиться в гнезда и норы ночных обитателей. Пусто. Ничего не слышно. Но не могли же воры бесследно раствориться в ночи!

Внезапно где-то справа раздались разрозненные пистолетные выстрелы, перемежаемые криками и едва слышным звоном клинков. Верный конь наострил уши, весь подобрался, развернул корпус в ту сторону, всем своим видом показывая готовность ринуться в гущу событий.

— Нет-нет, Атор, — Фло похлопала скакуна по холке левой рукой, — это обманка. Отвлекающий маневр.

Она знала этот лес как свои пять пальцев и сразу заметила нестыковку. Те, за кем она гналась, уходили восточнее, наверняка стремясь спуститься к пологому берегу Лиуллы. Забраться так далеко на запад от нее они не могли физически. Между этим местом и местом боя пролегал широкий овраг, тянувшийся аж до реки. Преодолеть его с лошадьми и в хорошую-то погоду нелегко, а сейчас и вовсе невозможно — крутые глинистые спуски, да еще и по дну течет стремительный поток дождевой воды. Нет-нет. Это отвлекающий маневр. Воры спустились к реке где-то здесь. Западнее овраг, потом с километр высокого обрывистого берега, а тремя километрами восточнее — мост с пограничным и таможенным постом. Вряд ли они захотят связываться с полусотней пограничной стражи. Так что где-то здесь.

Фло спешила, не было никакого смысла рисковать здоровьем коня в зарослях и буераках, сопровождающих спуск к Лиulle. Поднесла озябшие руки ко рту, трижды прокричала сычом. В ответ услышала четыре ответных крика. Ее бойцы скоро будут здесь, можно продолжать погоню. Прихватив из седельной кобуры кавалерийский пистолет и забросив за спину лук с уже натянутой тетивой и колчан с тремя десятками стрел, амазонка легко скользнула в ближайшие кусты.

Впереди раздался тихий щелчок, едва услышав который, графиня кинулась в сторону. Сверкнула вспышка, грохнул аркебузный выстрел, пуля просвистела далеко даже от того места, где она находилась в момент выстрела. Стелящимся шагом, отчаянно стараясь не поскользнуться в самый ответственный момент, она быстро обошла засаду. Там двое. Один пытается перезарядить аркебузу, второй стоит наизготовку и напряженно пялится в темноту,

пытаясь высмотреть юркую мишень. Шпага бесшумно покинула ножны, два быстрых колющих удара — и два трупa грузно повалились на раскисшую землю.

Быстрее вниз, к реке, оттуда слышатся голоса и плеск весел, они уходят! Скорее!

Флоримель вывалилась из кустов ивняка на песчаный берег, не удержалась-таки на ногах, потеряла равновесие. Но терять драгоценное время никак нельзя, на ее глазах лодка с врагами неумолимо удаляется к эскаронскому берегу. Уже далеко, метров пятьдесят, но нужно попытаться достать.

Графиня вскидывает пистолет, молясь богу, чтобы отсыревший порох не дал осечку. Выстрел! Кажется, мимо! Беспольный теперь пистолет тут же полетел в сторону. У нее прекрасный лук, она еще может достать преступников, даже на таком расстоянии и в бешено раскачивающейся лодке.

Первая стрела ложится на тетиву, Фло оттягивает ее до уха, замирает на мгновение, подстраиваясь под ритм скачущей по волнам посудыны, и отпускает в свободный полет. Недолет!

Вторая стрела. Взять прицел выше, выстрел, стрела поражает сидящего на корме человека в спину, и тот заваливается внутрь лодки. Есть!

Следующая стрела! Еще повыше, выстрел, недолет! Гребцы работают веслами, как проклятые, расстояние увеличивается на глазах. К тому же в целях облегчения, за борт сбрасывают два тела. Одно понятно чье — человека с кормы, а второе? Видимо, пожертвовали кем-то ненужным.

Фло вошла в воду, одновременно растягивая лук со следующей стрелой. Выстрел, стрела исчезает прямо посреди лодки. Судя по отсутствию криков — мимо! Черт побери, соберись же, графиня д'Астра!

Очень быстро в полет отправляются три стрелы подряд. Один вскрик, одно безмолвное падение за борт. Вот так-то! Но лодка все равно удаляется, Фло уже по грудь вошла в воду, а стрелы попали в цель только на излете.

Сзади послышался шум, оборачиваться некогда, но там могут быть только ее бойцы. Раздается плеск воды, рядом становятся Стиллерс и Бове. Фло стреляет снова — недолет! Стиллерс — отличная лучница, она очень быстро выпускает несколько стрел по высокой навесной траектории и одной цепляет-таки еще одного пассажира лодки. Высокий пожилой усач Бове заходит в реку на пару метров дальше графини, в руках у него тяжелый арбалет, а значит, есть всего одна попытка — перезарядить механизм, стоя по грудь в воде, он просто не сможет. Щелчок пружины, приглушенный вскрик — и очередное тело падает в реку. Но это все, стрелы больше не достают лодку, Флоримель решительно закидывает лук за спину и идет дальше в воду.

С противоположного берега раздается нестройный залп из аркебуз и пистолетов. Все пули ложатся с большим недолетом, но зато враг обозначает свою силу — на эскаронском берегу лодку поджидают не менее тридцати человек. Да тут целая войсковая операция, а не простое воровство!

Плевать! Она должна догнать и отнять украденную вещь, это очень важно! И для нее, и для всей семьи. Фло уже собиралась плыть, когда сзади ее одновременно схватили за плечи Стиллерс и Бове.

— Нет, Фло, это верная гибель!

— Нужно вернуться в замок, а с утра отправимся на тот берег со следопытами.

— Поздно, поздно, — амазонка в ярости бьет кулаками по равнодушным водам

Лиуллы, — не догнать...

— Нужно вернуться, Фло, герцогиня с нас три шкуры спустит, если мы тебя отпустим!

— Графиня! — Флоримель горько рассмеялась и, видя непонимающие лица сопровождающих, пояснила: — Графиня. Моя мать теперь графиня, а я — всего лишь виконтесса! Эти сволочи украли герцогскую корону!

Первый вечер на моей новой работе прошел совершенно спокойно. Аламеда не появился, а остальные посетители ели и пили в меру и, в общем и целом, вели себя очень даже благопристойно.

Я поужинал, потом полвечера проторчал за столом, лениво потягивая слабое вино. Дважды выходил прогуляться на улицу, когда чувствовал, что начинает клонить ко сну. В конце концов я отправился к себе, повелев в случае необходимости слать ко мне гонца. Но ничего так и не произошло, чему я был несказанно рад.

А вот во второй вечер работа для меня нашлась. Маркиз вновь не осчастливил «Серебряный олень» своим посещением, зато какое-то событие отмечала большая группа студиозусов. Через два часа активных возлияний молодые люди стали задираться к зашедшим пропустить по стаканчику стражникам. Стражей порядка было трое, студиозусов человек пятнадцать. Если завяжется драка — мало не покажется. Тем более что к страже может подоспеть подкрепление — вести о потасовках распространялись очень быстро, и обычно охранники правопорядка не сильно торопились, предпочитая не лезть на рожон и являться ближе к окончанию конфликта, но уж если кто-то покушался на самих стражников, то все ближайшие патрули стремительно слетались на место события. Стражники Монтеры вообще были странным народом — их никто не любил, но эта самая нелюбовь окружающих только еще больше их спланивала. Так что перед лицом любой внешней угрозы стражники стеной стояли друг за друга.

Ситуация грозила перерасти в масштабную драку, и мэтр Пигаль уже некоторое время бросал на меня умоляющие взгляды из-за стойки. В свою очередь трактирные вышибалы нерешительно переминались с ноги на ногу у дверей и почему-то не спешили утихомирить разошедшихся молодых людей. Я перехватил взгляд одного из них, кажется, Пьера, и, кивнув в сторону студиозусов, вопросительно поднял брови. Он в ответ многозначительно поглядел на стражников и картинно закатил глаза. Ну и что бы это значило? Не хотят связываться со стражей? Или по принципу «стражников не жалко, пусть им намнут бока»? Так или иначе, решать проблему придется мне, раз уж я нанялся главным охранником. Тяжело вздохнув, я направился к столу студиозусов.

— Добрый вечер, молодые люди, — проникновенно начал я, опершись обеими руками о край стола, — меня зовут шевалье Рене Орлов, и я ставлю вас в известность, что личности, непристойно ведущие себя в этом трактире, своим поведением наносят мне глубочайшее личное оскорбление, смыть которое возможно лишь кровью. Другими словами, если вы не утихомиритесь и не перестанете задирать стражников, мне придется пустить в дело мою шпагу. Не думаю, — я сделал паузу и медленно обвел тяжелым взглядом притихшую компанию, — не думаю, что вам это понравится. Но если вы прислушаетесь к моим словам, то можете всей компанией прийти сюда завтра и хозяин заведения совершенно бесплатно отпустит вам кувшин отличного пива.

— Эт-то как? — смысл моих слов с большим трудом проникал в разгоряченные алкоголем молодые головы, — как — бесплатно?

— Так не бывает, — заявил темноволосый паренек, достаточно трезвый для того, чтобы связно разговаривать.

— Слово дворянина, — ответил я, — но если вы выполните мои условия.

Студиозусы стали удивленно переглядываться. По крайней мере, те, которые были в состоянии это делать.

— Хорошо, — нерешительно заявил тот же темноволосый, — мы, пожалуй, пойдем. А завтра придем за нашим пивом. Так, ребята?

Вся компания возбужденно загалдела и, к моему неописуемому облегчению, стала собираться уходить. На всякий случай я встал между ними и столом стражников, чтобы иметь возможность пресечь новые попытки развязать конфликт. Как оказалось — не зря. В то время, когда трактир покидали последние студиозусы, за моей спиной раздался злобный голос:

— Что, сударь, в благородство играете?

Я обернулся. Моему удивленному взору предстали те самые стражники, которых я спешил спасти от неприятностей. Все трое не скрывали разочарования.

— С прошлого года выслеживаем этих молокососов, и вот, когда осталось только дожидаться, чтобы они на нас напали, появляетесь вы со своим благородством! — усатый стражник досадливо крикнул и, одним глотком опорожнив свой стакан, с грохотом поставил его на стол.

— Чем же вам не угодили эти студиозусы?

— Да по ним, сударь, давно тюрьма плачет, — ответил другой стражник — здоровенный круглолицый детина, — они уже несколько раз нападали на стражу — развлечение у них, видите ли, такое, да каждый раз успевали смыться до прихода подмоги.

Я пожал плечами и отвернулся. С одной стороны, мне не было никакого дела до разборок стражников со студиозусами, с другой — хоть убей, но мои симпатии были явно на стороне последних. Поэтому я, уже уходя, бросил через плечо:

— Разбирайтесь со студиозусами как хотите. Только не в этом трактире! Мне не нужны здесь никакие дебоши!

Стражники изумленно переглянулись, я не стал более задерживать на них свое внимание и направился к дверям, в которые как раз возвращался выходявший вслед за компанией молодых людей охранник Пьер. Он рассказал мне, что на соседнем перекрестке уже почти час ошиваются чуть не два десятка стражников. По-видимому, они ждали первых криков о драке в «Серебряном олене», чтобы вломиться в трактир и повязать несчастных студиозусов. Репутация у стражников премерзкая, поэтому лишний раз связываться с ними никто не хочет. Вот и Пьер с товарищем не рискнули утихомиривать молодых людей, понимая, что нарушат планы городской стражи.

— Поймите, шевалье, — вполголоса оправдывался вышибала, возвышавшийся надо мной почти на голову, — мы простые люди, им ничего не стоит расправиться с нами. Вы — другое дело. От вас можно и шпагу в брюхо схлопотать. Стражники же храбрые только с теми, кто сдачи дать не может, а дворян или тех же бандитов Кривого Нэша боятся, как последние трусы.

После полуночи я поднялся к себе, хотя общий зал трактира был еще полон посетителей. Никто из них агрессии не проявлял, все было тихо-мирно. Однако не прошло и получаса, как за мной прибежал сын одной из кухарок. Пришлось спешно собираться и возвращаться в трактир.

Двое дворян, весь вечер пившие вместе, из-за чего-то рассорились и сейчас кружили вокруг своего стола со шпагами наголо. Из-за ближайших столов спешно разбегались посетители. Оба настолько пьяны, что беспрестанно шатаются и спотыкаются, что делает их

ссору еще опаснее и друг для друга, и для посторонних. Если не остановить сейчас, наверняка прольется чья-то кровь, да и материальный ущерб заведению будет нанесен немалый.

Кубарем скатившись с лестницы, я вклинился между дуэлянтами, расставив широко в стороны руки.

— Эй-эй-эй, господа! Разве здесь место для пролития благородной крови?

С двух сторон на меня с удивлением уставились налитые кровью глаза, с двух сторон нахмуренные брови и хриплое дыхание.

— Я виконт Риго Альваро де Рамирес, — пропыхтел один из нарушителей спокойствия, гулко стуча себя в грудь кулаком, — я убью этого заносчивого павлина, хотя он и является моим кузеном!

— А-а, храбрец Рамирес! — его оппонент хрипло рассмеялся, при этом опасно покачнувшись и был вынужден левой рукой судорожно схватиться за край стола. — Что же ты, дражайший кузен, не сражаешься один на один? Помощничка позвал?

— Что?! — в один голос воскликнули мы с Рамиресом.

— Да я убью вас обоих! — рык виконта был подобен реву разъяренного льва.

— Эт-то я... убью вас обоих! — заикаясь, ответил кузен и нацелил острие своей шпаги мне в лицо.

К этому моменту мое раздражение против двух пьяных дураков было уже достаточно велико, чтобы превозмочь стремление решить конфликт мирным путем. Нацеленная же мне в лицо шпага, находящаяся в руках неконтролирующего себя субъекта, определенно переполнила чашу моего терпения.

Я перехватил левой рукой угрожающий мне клинок, благо, что мои выдавшие виды перчатки еще позволяли это сделать, резко дернул его на себя и в то же время двинул кулаком начавшего заваливаться на меня противника под дых. С громким всхлипом тот согнулся пополам, выпустил оружие из рук и упал на пол.

Заторможенный вином мозг виконта Рамиреса еще не успел осознать случившегося, а я уже перебросил отнятую шпагу в правую руку и приставил клинок к его груди.

— Вот что, сударь! Сейчас мы с вами и вашим дражайшим кузеном выходим на улицу и улаживаем все наши конфликты в соответствии с дуэльным кодексом. Вперед! — я слегка нажал на шпагу, чтобы убедить оппонента в серьезности моих намерений.

Он зарычал от ярости, но послушно пошел впереди меня. Замыкал нашу маленькую процессию кузен Рамиреса. Он спотыкался на каждом шагу, не забывая при этом не очень связно ругаться: то грозился обрезать уши своему родственничку, то обещал удавить меня голыми руками и вернуть себе шпагу, то заявлял, обращаясь к какой-то даме, что она наконец все поймет, но будет поздно.

К вящему неудовольствию зевак, неизвестно откуда набежавших поглазеть на острое зрелище, дуэли не получилось. Мои противники с трудом держались на ногах, и фехтовать против них всерьез означало бы просто совершить убийство. Кузен виконта получил свою шпагу обратно, но при первом же движении завалился на бок. Пытаясь подняться, он запутался в собственных ногах и снова упал на мостовую. Когда же он все-таки принял вертикальное положение, я ударил его кулаком в скулу. Горе-дуэлянт опять рухнул наземь и затих.

Виконт де Рамирес оказался чуть более стоек. А может, он просто меньше своего кузена выпил за ужином. Он дважды пытался провести какую-то неизвестную мне размашистую

комбинацию, но двигался очень медленно, спотыкался и все время норовил потерять равновесие. Поэтому мне не составляло большого труда вовремя уходить с линии атаки, заставляя оппонента наносить уколы в пустоту. После того как он провалился во второй раз, я завершил нашу схватку двумя ударами кулака в живот и одним — по шее. Рамирес рухнул мне под ноги и затих.

Я крикнул слуг из «Серебряного оленя», и с моим эскортом обоих дворян перенесли на второй этаж в свободную комнату, где благополучно уложили спать. Пришлось успокоить смущенно топтавшегося в коридоре хозяина трактира, заявив, что если господа наутро откажутся платить, то их ночлег можно будет вычесть из моего жалованья. Так же, как и завтрашнее пиво для студиязусов. После этого повеселевший мэтр Пигаль отправился обратно на кухню, а я наконец-то добрался до своих мансардных апартаментов и с чистой совестью завалился спать.

Несмотря на то, что мне и в этот вечер удалось выйти сухим из воды, спал я крайне беспокойно. Всю ночь мне снились благородные дамы, разглядывающие меня презрительно-брезгливо, и шикарно одетые кавалеры, все как один с черными напояженными усами на надменных лицах, тычущие в меня пальцем и цедящие сквозь зубы: «Он в услужении у трактирщика!» Дамы прикрывали личики веерами, а свободной рукой швыряли в меня тухлые яйца и помидоры, мужчины хмурились и театральным жестом клали руку на эфес шпаги. А я спешил скрыться долой с их глаз, позорно втянув голову в плечи.

Несколько раз я просыпался в холодном поту. Но, повертевшись с четверть часа в постели, снова засыпал, чтобы увидеть тот же самый кошмар заново. Закончилось тем, что предрассветные часы я провел полусидя в постели, чередуя мгновения спасительной дремы с промежутками томительного бодрствования, во время которых снова мучил себя мыслями о правильности сделанного мною выбора. Очень уж это было не по-дворянски — заниматься охраной в трактире. Но ведь, с другой стороны, ничего предосудительного я не делал, в конце концов, охранять порядок — это не сапоги проходим чистить и не ночные вазы мыть. Может, мой способ заработка и не престижен, но уж точно честен. Я не разбойник с большой дороги, не нугулемский наемник и не прилипчивый приживала при богатых родственниках. Так что все хорошо и все правильно, но... Но все-таки что-то не так. Что-то не дает мне покоя все эти два дня новой жизни.

Я тщательно перебирал все доводы за и против, пытался найти изъян в своих рассуждениях. Но все время приходил к одним и тем же умозаключениям. Общественное мнение — вот тот порог, о который я все время спотыкаюсь.

В конце концов, совсем измучившись этими думами, я решил плюнуть на все сомнения и отдаться на волю течения. К чему противиться судьбе? Если уж Всевышний посылает мне такое испытание — значит, такова Его воля, таково мое предназначение. Пусть дамы морщат свои прелестные носики, пусть благородные месье хмурят брови и топорщат напояженные усы! Я пройду этот путь до конца, ведь он открылся предо мною в минуту черного отчаяния, когда все настойчивее стали закрадываться мысли о сведении счетов с жизнью. Пусть мне придется терпеть насмешки и презрение окружающих, пусть придется отстаивать правоту с оружием в руках, я не сверну в сторону! Господь не посылает испытания слабым. Как говорили благородные предки: «Бог с нами! Так кто же против нас?!» Вперед, шевалье Рене Орлов, вперед!

Когда первые лучи восходящего солнца, искаженные грязным стеклом, упали на поверхность стола, я наконец-то провалился в спасительные объятия глубокого сна. Проснулся уже в половине одиннадцатого. При этом чувствовал себя превосходно. Тело отдохнуло, душа избавилась от сомнений. Пора было начинать новую жизнь. И вроде бы уже два дня этой жизни прожито, но я четко чувствовал, что отсчет нужно вести именно от сегодняшнего утра. Настроение было настолько превосходным, что хотелось петь. И это при полном отсутствии как слуха, так и голоса!

Я бодро спустился во двор трактира, где целый час занимался фехтованием, отрабатывая удары на большой деревянной колоде, неизвестно с какой целью прислоненной к стене сарая. Затем я умылся, переоделся и с аппетитом позавтракал в общем зале в обществе Жерара, которого вытянул из кухни под предлогом важного разговора.

Пигаль-младший или, если уж быть точным, средний, ибо у мэтра Пигаля кроме двух дочерей имелся еще и шестилетний сын, сразу сообщил мне, что вчерашние господа-бузотеры поутру проснулись со страшной головной болью, но без какой-либо злобы на сердце. Удивлялись, что их кошельки остались нетронутыми. Когда же им в подробностях рассказали все события прошлой ночи, которые они почти не помнили, месье сильно смутились и порывались немедленно идти приносить извинения «благородному шевалье». Остановить их смогло лишь известие, что я лег спать только под утро. Горе-бретеры успокоились и пообещали навестить меня с извинениями на днях. После чего расплатились и за ночлег и за ужин, да еще и щедрые чаевые оставили. В общем, все завершилось очень даже благополучно, и мне не пришлось оплачивать комнату за свой счет.

Нужно признать, что вопрос с оплатой долга виконта и его кузена беспокоил меня гораздо больше, нежели кувшин дешевого пива для студюзов. Но и эта проблема решилась бескровно для моего кармана. Жерар заявил, что у него имеются кое-какие мысли на этот счет. Уточнять я не стал — раз уж парнишка берет на себя эту проблему, то пусть сам и выкручивается. А у меня сейчас были другие приоритеты. Я битый час в подробностях расспрашивал племянника трактирщика обо всех известных ему происшествиях в заведении с участием дворян. Затем долго гулял по городу, переваривая и систематизируя полученные сведения, пытался уяснить для себя, когда какой линии поведения целесообразнее придерживаться.

В трактир я вернулся уже в седьмом часу вечера. Занял свой пост в общем зале, попутно заказав себе легкого вина. Желудок делал весьма непрозрачные намеки на то, что можно бы уже и поужинать, раз завтрак оказался совмещен с обедом. Пришлось напомнить ему прописную истину: перед боем наедаются либо полные дураки, либо слишком уверенные в себе люди, что в общем и целом одно и то же. Кроме того, не стоило забывать о возможном визите маркиза — если он появится, то мне придется съесть все те же блюда, что и он, поэтому место в желудке может очень даже понадобиться.

Неспешно потягивая вино, я еще раз попытался вспомнить, в каких же землях Эскарона расположен маркизат Аламеда. Поскольку моя память не спешила помочь мне в этом деле, можно было сделать вывод, что маркиз происходит из провинции Южная Алезия, расположенной на юго-востоке королевства. Когда-то в тех краях существовало несколько десятков крошечных королевств. Каждое из них состояло из замка сеньора, одной-двух деревень, пашенного поля, кусочка леса и половинки луга. Все эти самодержавные карлики постоянно бились друг с другом. Иногда в сражениях участвовало — о, ужас! — по полторы сотни солдат с обеих сторон.

Но потом владыки Эскарона наложили свою мощную длань на раздираемый сварами край. В Южной Алезии наступил мир, а местные корольки в один миг превратились в герцогов, хотя на звание полноценного герцогства могла бы претендовать только вся провинция вместе взятая. Но в Монтере рассудили иначе, и с тех пор словосочетание «герцог из Южной Алезии» стало нарицательным и часто употреблялось для обозначения хвастливого человека, обладающего высоким титулом, но не имеющего за собой никакой реальной силы. А еще жители других провинций, хотя и признавали южноалезийцев за своих, но все-таки слегка недолюбливали их за чванливость и беспричинное высокомерие.

Вероятно, старший сын одного из таких южноалезийских герцогов как раз и может быть этим самым маркизом де Аламеда. Скорее всего, его владения, по размеру не превышая моих, тем не менее дают ему право на титул целого маркиза, тогда как мне не дотянуться

даже до титула баронета. Не то чтобы титул давал какие-то особые привилегии, хотя кое-какие и были, но оставлял возможность трусливым дворянам уклоняться от личного участия в поединке, ссылаясь на неравное положение в обществе. Я, мол, целый маркиз, а ты — всего лишь шевалье, то есть просто дворянин, рыцарь. И тогда вместо титулованной особы в дело мог вступить другой боец, согласившийся отстаивать «перед Богом и людьми» честь своего суверена или просто нанимателя. А если этот самый наниматель был богат, то мог воспользоваться услугами записных бретеров — людей, специализирующихся исключительно на дуэлях.

Что если в случае с маркизом меня поджидает подобная перспектива? Да ничего! Шпага при мне, голова на плечах, Бог на небесах — прорвемся! В конце концов, бретеры — это всего лишь люди, а непобедимых людей не бывает. Разве что риск для жизни выше, но — за те же деньги. Тьфу. Что-то меня не в ту сторону заносить стало. М-да. Чем дольше ожидание, тем больше дурных мыслей будет лезть в голову.

Когда же появится этот чертов маркиз! Господи, да подпихни ты уже сеньора Аламеду в сторону «Серебряного оленя»!

И — словно небеса услышали мой призыв — двери трактира распахнулись, пропуская внутрь худощавого господина среднего роста, одетого с претензией на последний писк моды. Черные, как вороново крыло, волосы выбиваются из-под щегольски заломленной набок шляпы. Черные маслины глаз поблескивают из-под густых бровей, тонкая линия усов над верхней губой вызываясь топорщится. Не угадать в маркизе, а я всем нутром почувствовал, что это именно он, уроженца Южной Алезии было сложно, если не сказать — невозможно. От его фигуры вмиг повеяло надменностью и презрением, а выражение лица было таково, что мне захотелось просто немедленно ударить по нему кулаком. Но это было бы равносильно собственноручному засовыванию в рукав противнику козырной карты. Нет, нет, нет! Спокойно, нужно заставить этого мерзавца играть по моим правилам.

— Эй, трактирщик! — презрительно выпятив нижнюю губу, медленно процедил вошедший дворянин. — Есть ли у тебя черепаховый суп?

— Готовится, ваша светлость, — к моему вящему удивлению, спокойно ответил мэтр Пигаль, — но еще не меньше часа. Изволите подождать или чего другого закажете?

— Во всех приличных заведениях, — уже довольно громко провозгласил маркиз, — лучшие блюда готовят к семи часам вечера, а не к ночи.

Ну вот, отметил я для себя, и первая причина для недовольства готова. Хитер шельмец и изворотлив. Интересно, мэтр Пигаль насчет черепахового супа придумал или в самом деле готовить стали? Не каждое заведение в центре столицы может похвастать наличием такого деликатесного блюда в своем меню.

На реплику маркиза трактирщик Фернан ответил так же спокойно, как и на первый вопрос, чем очень меня порадовал:

— Учтем, господин маркиз, блюдо сложное, ответственное, готовится не менее трех часов, повара еще не приспособились — вот и вышла задержка. Так что подать изволите?

Маркиз заказал-таки грибной суп, жаркое из говядины с гречневой кашей, местный сыр и игристое вино из Божанси.

Я тихонько хмыкнул себе под нос. Выбор маркиза меня обрадовал и позабавил одновременно. Порадовал — так как стоимость ужина выходила вполне умеренной, что отвечало моему финансовому положению. Позабавил — по той же причине. Бьюсь об заклад, что сеньор Аламеда попал бы в весьма щекотливое положение, если бы черепаховый

суп был уже готов, ведь его стоимость должна превышать стоимость всего, что он заказал позднее. Стало быть, маркиз не богат, очень даже не богат. Еще один штришок в пользу его южноалезийского происхождения — вся тамошняя знать богата своими титулами, но никак не драгоценными металлами.

Мне одновременно с маркизом подали все те же блюда, что и ему. Начиналось самое интересное.

Грибной суп был вполне приличного качества. По крайней мере, я не мог найти повода для недовольства. Но то я, а маркиз, за которым я, отчаянно кося глазами, ненавязчиво наблюдал, постоянно морщился, картинно устремлял негодующий взор к небесам, а вернее, к потолку трапезного зала. Когда он со всем этим кривлянием умял две трети своей порции супа, тарелка была решительно отодвинута на противоположную сторону стола.

— Трактирщик! Что за помои ты мне принес вместо грибного супа?

— А что не так с грибным супом? — тут же, изобразив на лице максимально возможное удивление, включился в разговор я, к тому времени благополучно расправившись со своей порцией. — Мне вполне понравилось.

— Суп? — де Аламеда смешался от моего неожиданного вмешательства. — Да он же просто ужасен! Овощи разварились, грибы, напротив, сырые, специи почти не чувствуются, тогда как соли — явный переизбыток!

— О! — искренне поразился я количеству претензий. — Сударь, думаю, что вы ошибаетесь! Суп вполне приличный.

— Да нет же, сударь, — продолжил гнуть свою линию маркиз, — уверяю вас, что это блюдо к настоящему грибному супу никакого отношения не имеет.

— Позволю себе не согласиться с вами, сударь, — ответил я вполне миролюбиво, — уж не знаю, как вам, а мне понравилось.

Маркиз злобно зыркнул глазами в мою сторону, что-то пробурчал себе под нос, но во всеуслышание ничего говорить не стал. Ладно, подождем. Одного взгляда на этого самого маркизика мне хватило, чтобы уяснить одну вещь: при всей своей спеси к храбрецам он не относится и прямого столкновения будет избегать до последней возможности. Значит, нужно поставить его в такое положение, когда отказ от поединка будет грозить ему потерей чести. Если, конечно же, он не отступит раньше. Что меня устроит даже больше. Пусть просто уйдет и больше в «Серебряном олене» не появляется.

Я с удовольствием уплетал жаркое, кашу, сыр и запивал божансийским игристым вином. Мне определенно нравилась местная стряпня, и, вкупе с наблюдениями за тем, как де Аламеда продолжает кривить лицо и в то же время опасливо поглядывает в мою сторону, это явно поднимало мне настроение, одновременно разжигая мою неприязнь к южноалезийскому дворянину.

Спустя четверть часа жестокой внутренней борьбы он все же решился продолжать свою игру. Трактирщик был обвинен в том, что каша пересолена, мясо пережарено, сыр явно несвежий, а вино — какой-то суррогат. Посетители трактира вели себя по-разному: кто-то пожимал плечами, кто-то втягивал голову в плечи, кто-то делал вид, что ничего не слышал, хотя не услышать было трудно. Людей благородного сословия было немного — едва ли десятая часть от общего числа посетителей. Можно было предположить, что они заказывали себе более изысканные блюда и на этом строился расчет маркиза — дворянам не будет никакого дела до его разбирательств с трактирщиком, а простолюдины не посмеют вмешиваться. Но сегодня-то все не так просто.

— Право, сударь, — вновь вмешался я, — вы сегодня просто в плохом настроении. И каша нормальная, и сыр свежий, и к мясу не придерешься, да и вино, — я приподнялся над столом, делая вид, что высматриваю этикетку на его бутылке, — вижу, вы, как и я, заказали божансийское, а от него трудно ожидать большего...

— Послушайте, сударь, — вскипел-таки маркиз, — я происхожу из очень знатной семьи, я с пеленок приучен прекрасно разбираться в качестве пищи и, тем более, в качестве вина. От настроения это никак не зависит, потому что эти знания у меня в крови!

Такой эмоциональной реакции от маркиза я совсем не ожидал. Да похоже, де Аламеда и сам испугался того, что сказал. Посетители за ближайшими столами настороженно притихли в ожидании грозы. Пожилой дворянин с аккуратно подстриженной, абсолютно белой от седины бородкой на мгновение замер, не донеся ложки до рта.

Я же почувствовал, как кровь со страшной силой забурлила в моих венах. Сейчас вся эта гремучая смесь направится в сторону головного мозга, и тогда уже остановиться будет очень трудно, почти невозможно. Может, иногда неконтролируемая ярость и бывает полезна, где-нибудь посреди жестокой сечи, но я не сторонник этого мнения. Предпочел бы все-таки не терять контроль над собой в любой ситуации.

Сделав глубокий вдох, я растянул губы в некое подобие примирительной улыбки. По всей видимости, получилось не очень натурально, но, видит бог, я очень старался.

— Милостивый государь, никто не сомневается, что вы произошли из хорошей семьи, — слова мне приходилось выдавливать из себя по капле, — и никто не сомневается, что вы знаете толк в хорошей пище. Но иногда плохое настроение играет с нами злую шутку. В такие дни и солнце не так ярко светит, и птички не так весело поют, и нравившееся всегда блюдо кажется отвратительным...

На этом месте я запнулся. Засомневался в целесообразности этой речи. В самом деле — для вызова на дуэль маркизишка уже наговорил достаточно. Почему же я пытаюсь дать ему шанс избежать драки? Считаю его проступок недостаточно тяжким, чтобы ставить под угрозу жизнь? Или подсознательно все-таки побаиваюсь разглашения тайны о своей новой работе? Какого черта? Я ведь для себя уже все решил! Хватать за грудки наглеца и тащить на задний двор для занятий фехтованием!

— Сударь, если я сказал, что эта еда отвратительна, то, значит, она отвратительна. И мое настроение тут абсолютно ни при чем!

Маркиз опять сплоховал. Мою попытку сгладить конфликт он принял за проявление слабости и решил развить успех.

— Стало быть, милостивый государь, — я медленно отодвинул от себя столовые приборы, — вы полагаете, что я происхожу из плохой семьи, получил дурное воспитание и не способен отличить приличное блюдо от неприличного? Полагаю, назрела необходимость проверить, как у вас в семье обстояли дела с фехтованием.

Я поднялся из-за стола и неспешно стал натягивать перчатки. Противник же мой сильно побледнел и заерзал на своем месте, бросая по сторонам испуганные взгляды. Весь его боевой пыл, все высокомерие испарились в один миг, и сейчас он судорожно метался между страхом за свою жизнь и желанием сохранить честь. Раньше нужно было думать. Очень не люблю таких людей, очень.

— Ну что же вы, сударь, как там ваше имя? — видя, что маркиз не торопится принимать вызов, я двинулся к его столу.

— М-маркиз де Аламеда, — скорее проблеял, нежели проговорил маркиз, неуклюже

поднимаясь на ноги.

— Шевалье Орлов, — я нахлобучил на голову шляпу, — к вашим услугам. Пройдемте, маркиз!

— Я... Я никуда не пойду, — пролепетал Аламеда себе под нос.

— Что вы там шепчете, милостивый государь? — я нарочно разговаривал громко, потому что, раз уж дело у нас принимало такой оборот, нужно добиться, чтобы весь трактир слышал наш разговор. Чем больше будет свидетелей, тем меньше шансов у маркиза избежать дуэли. Если, конечно, он не предпочтет бегство. Но в таком случае его имя покроется несмываемым позором, путь в трактир ему будет заказан и моя цель будет все равно достигнута. — Если вы, сударь, имеете смелость оскорблять дворянина, то имейте смелость и отвечать за свои слова! Извольте сейчас же пройти со мной на улицу и обнажить шпагу, иначе я выволоку вас отсюда за воротник!

— Не слишком ли громко сказано, господин ориосец? — прошипел взбешенный маркиз.

— Сказано человеком, не привыкшим сносить оскорбления! — ответил я.

— Маркиз! — неожиданно подал голос пожилой дворянин. — Вы ведь не в первый раз скандалите здесь и тем не менее опять приходите сюда. Сегодня вы не только обругали хозяина трактира, но и оскорбили шевалье Орлова! Я думал, что вы бретер — ищете повод обнажить шпагу. Однако сейчас стараетесь увильнуть от дуэли. Так чего же вы добиваетесь?

— Какое вам дело до моих мотивов? — воскликнул де Аламеда, яростно вращая глазами. — Я делаю то, что считаю нужным!

— Эй, господа, да вы тут никак ссоритесь? — к нам подошли еще два дворянина, ранее располагавшихся в другом углу трактира.

— Да вот, — я развел руками, — маркиз утверждает, что в этом трактире подают только помои, достойные свиней, а не порядочных людей. К тому же обвинил меня в отсутствии вкуса и приличного воспитания, а драться не желает.

— Я вас ни в чем не обвинял! — взвился маркиз, но я не дал ему перехватить инициативу.

— Да весь трактир слышал, как вы поучали меня и чванились своим высоким происхождением!

— Знаешь, Бартез, — заявил один из подошедших дворян своему товарищу, — я уже видел этого господина здесь. Он вечно всем недоволен, постоянно скандалит. Но каждый раз возвращается сюда.

— Зачем же он возвращается, если вся еда здесь свинская? — усмехнулся тот, кого называли Бартезом. — Может, он и не человек?

— Судя по физиономии и поведению он — алезиец. И это о многом говорит, — подлил масла в огонь первый дворянин.

— Что это вы имеете в виду? — взревел Аламеда, хватаясь за эфес шпаги.

— Господа, вы напрасно стараетесь, — обратился я к неожиданным союзникам, — маркиз из разряда людей, которые часто хватаются за шпагу, но никогда ее не обнажают.

— Вы... Вы ответите за свои слова! — маркиз снова перешел на визг.

— Здесь и сейчас! — с этими словами я бросил ему в лицо перчатку.

Он инстинктивно отшатнулся, благодаря чему споткнулся об лавку и чуть не упал. Лицо его покраснело, потом побледнело и, наконец, пошло пятнами. Не знаю, как можно быть таким трусом? Я далеко не забияка, но, видит бог, на месте маркиза уже бы полчаса, как дрался.

— Я — маркиз! — наконец сумел совладать с голосом мой противник. — И не могу драться с каждым желающим дворянином. Мой статус выше вашего!

— Фу, маркиз, какая низость! — воскликнул Бартез, и лицо его скривилось в гримасе отвращения.

— Какая подлость! — поддержал его товарищ, в то время как я скромно промолчал.

— Я имею право выставить вместо себя бойца! — верещал маркиз де Аламеда, медленно пятясь к стене.

— Вы, сударь, — опять подал голос пожилой дворянин, — вы, сударь, не старик и не калека. Наносить людям оскорбления и прятаться за чужие спины — стыдно!

— Имею право! — продолжал орать представитель южноалезийского дворянства.

Титул маркиза в нашем королевстве не очень распространен, поэтому я не мог с достаточной долей уверенности утверждать, распространяется ли на него эта привилегия или нет. На герцогов, принцев и, естественно, короля распространялась. Но пользоваться ею считалось зазорным, и, какого бы высокого происхождения ни были вельможи, свою честь они предпочитали отстаивать лично. Гораздо чаще таким правом пользовались дворяне преклонного возраста — но в этом случае никому и в голову не приходило возмущаться.

По всему было понятно, что маркиз отстаивать свою честь шпагой не готов. Поэтому передо мной вставал выбор: окончательно опозорить смутьяна, приказав вышибалам выкинуть его на улицу, либо позволить ему выставить вместо себя бретера и разрешить-таки ситуацию дуэлью.

Первый вариант мне откровенно не нравился. Во-первых, сеньор Аламеда хоть и мерзавец, но не такое уж страшное преступление совершил. Во-вторых, после получения подобной взбучки от простолюдинов у дворянина остаются всего два выхода — исчезнуть на продолжительное время из столицы или мстить. Что-то мне подсказывало, что маркиз выберет второе. А методы совершения мести для подобных маркизу людей — это выстрел из-за угла, удар ножом в спину, нападение группы головорезов и прочие мерзости. И ладно бы это грозило только мне, но тут, скорее всего, достанется и Жаку с Пьером, и трактирщику с семейством.

Второй вариант таил опасность нарваться на какого-нибудь матерого бретера, работающего по найму. Не все эти господа являются мастерами фехтования, зато имеют огромный опыт сражений на улицах, пустырях и в подворотнях, что зачастую перевешивает рафинированную технику фехтовальных залов.

Ну, волков бояться — в лес не ходить. Ведь, согласившись на эту работу, я сжег за собой мосты, и теперь моя жизнь и мое благополучие находятся в прямой зависимости от удачи и умения фехтовать.

— Я согласен, — спокойно произнес я, — жду вас с вашим бретером ровно через час на заднем дворе трактира. Господа, надеюсь, кто-нибудь из вас окажет мне честь выступить моим секундантом?

— С превеликим удовольствием, сударь, — ответил первый из подошедших дворян. — Шевалье де Рец к вашим услугам. А это мой друг — барон дю Бартез.

— Шевалье Орлов к вашим услугам, — мы раскланялись друг с другом.

— Час — это слишком мало, — опять подал голос южноалезийский дворянчик, — я не успею!

— Поскольку выставляете вместо себя бойца, — мгновенно отреагировал пожилой господин, — право выбора места и времени поединка переходит к шевалье Орлову.

— Ах так! — маркиз в бешенстве нахлобучил шляпу по самые глаза. — Вы пожалеете об этом! Я вернусь через час, и вы пожалеете!

— Маркиз! — окликнул я направившегося было к выходу оппонента. — Вы забыли заплатить за ужин.

Он дернулся, как от пощечины. Резко обернулся, хотел что-то возразить, но вовремя остановился. Только желваки заиграли на скулах да глаза от злости чуть не вылезли из орбит. Вернулся к стойке и молча выложил серебряную монету, жестом руки остановив мэтра Пигаля, кинувшегося отсчитывать сдачу — мол, сдачи не надо, гордые мы.

Стоял прекрасный, теплый майский вечер. Воздух был насыщен ароматом цветущей сирени, в который легкий ветерок иногда привносил запахи трактирной кухни. Бесчисленные сверчки увлеченно состязались в песнопениях. Со стороны Каштановой улицы доносился отдаленный гул гуляющих. Именно там находилось место традиционных вечерних гуляний благородной публики, проживающей в восточной части Монтеры. Я представил себе на минуту эту картину. Освещенную ярким светом многочисленных фонарей улицу, неспешно прохаживающихся, разодетых по последней моде дам, расфуфыренных кавалеров с напыженными усами, благоухание парфюма, звуки музыки, аромат свежих пирожных от лучших кондитеров столицы. Представил себя в новом камзоле, в новой шляпе с фиолетовым пером, вышагивающего под руку с прекрасной дамой. Тяжкий вздох прервал мои мимолетные мечтания. Не вписывался я в эту благодатную и беззаботную картину, не было мне в ней места.

— Где же твое место, Рене Орлов? — прошептал я в отчаянии. — Неужели на заднем дворе второсортного трактира?

Я сидел на старом тележном колесе во дворе «Серебряного оленя» и разминал кисти рук в ожидании бретера маркиза Аламеды. Де Рец и дю Бартез тихонько шептались чуть поодаль. Дальняя часть двора тонула во мраке, но здесь, ближе к зданию, имелась утоптанная площадка шагов двадцать в ширину и столько же в длину, и она вполне прилично освещалась светом расставленных по забору факелов.

Они появились на четверть часа позже назначенного срока, когда мои секунданты уже начинали проявлять признаки раздражения. Первым из-под арки ворот появился сам маркиз. Сразу за ним следовал закутанный в черный плащ господин в широкополой шляпе, надвинутой на самые глаза и отбрасывающей густую тень на лицо. Только когда он вышел на освещенное место, выяснилось, что верхняя часть лица незнакомца скрыта под полумаской из красного бархата. Прямо маскарад какой-то!

Шагах в пяти позади таинственного незнакомца вальяжно вышагивали еще двое господ. Один — невысокий толстячок с пышными рыжими усами, другой — среднего роста крепыш, черноусый и с аккуратным клинышком бородки на надменном лице с презрительно оттопыренной нижней губой.

Я поднялся навстречу подошедшим. Рец и Бартез встали по бокам, на полшага позади меня.

— Господа, вы опоздали по крайней мере на четверть часа! — де Рец нисколько не скрывал раздражения.

— А я к вам в дуэлянты не напрашивался! — высокомерно заявил в ответ маркиз. — Это Орлов был инициатором. И идея была его — дать мне всего час на поиски бретера. Так что все претензии можете адресовать своему дружку.

— Ох, сударь, еще одно такое заявление — и драться вам сегодня все-таки придется, — дю Бартез демонстративно положил руку на эфес шпаги.

— Ну-ну, господа! Не стоит так горячиться, — подал голос толстячок, — одной дуэли на этот вечер будет более чем достаточно.

— Маркиз, будьте посдержаннее, — вмешался его приятель, — если Маска будет драться со всеми оскорбленными вами дворянами, ни у нас, ни, тем паче, у вас не хватит

денег на оплату его услуг. Господа, — он галантно приподнял шляпу, — граф де Нарбонн к вашим услугам.

— Барон фон Грейм, — толстячок повторил жест товарища, — а это — шевалье Красная Маска, он предпочитает оставаться инкогнито.

— Шевалье де Рец!

— Барон дю Бартез!

— Шевалье Орлов!

— Сударь, вы ориосец? — холодно осведомился человек в маске.

Из-за моей фамилии, резко контрастирующей с исконно эскаронскими да еще употребляемой без привычных приставок-атрибутов знатного рода — де, дю или д', — мне довольно часто задают этот вопрос, и тем не менее я до сих пор теряюсь с ответом. Неоспоримым фактом является то, что я — эскаронец в третьем поколении. Мой прадед был в числе тех двух тысяч подданных Ориосии, которые были наняты королевской семьей Эскарона во время большой войны с Нугулемом. Во многом благодаря их бесстрашию и воинскому мастерству Эскарону удалось нанести поражение грозному западному соседу. После войны большая часть ориосцев отправилась на родину, но некоторые предпочли остаться. Кроме полагавшегося им вознаграждения эскаронский король Август Второй выделил новым подданным земельные наделы вдоль нугулемской границы. Таким образом, одним росчерком пера мудрый монарх приобрел верных вассалов и прикрыл земли королевства от алчных владык Нугулема щитом из воинственных иноземцев.

Шли годы, переселенцы растворились в местном населении, приняли его язык, законы и обычаи. Теперь потомков ориосцев выделяли из общей массы только наличие инакозвучащих фамилий да слава неуступчивых бойцов. Хотя нет. Есть еще кое-что, объединяющее носителей фамилий, схожих с моей. Это бедность. Нельзя сказать, что пожалованные нашим предкам земли оказались неплодородными. Просто ориосцы были хорошими воинами, но плохими хозяйственниками. Да и не в чести было у моих предков заниматься хозяйством. Все это вкупе с постоянными пограничными стычками с нугулемцами привело практически к поголовному разорению незадачливых землевладельцев. Лишь единицам, вроде предков князя Репнина, командира роты Королевской Синей гвардии, удалось добиться финансового благополучия. Так что я несколько не выбиваюсь из общей картины и являюсь таким среднестатистическим эскаронским ориосцем.

Таким образом, ответить на вопрос Красной Маски односложно никак не получается. Приходится объяснять, что мой предок был ориосцем, но и я, мой отец и мой дед уже родились эскаронскими подданными. И я одинаково горжусь и тем, что являюсь эскаронцем, и своей ориосской фамилией.

— Я являюсь представителем третьего поколения моей семьи, родившегося в Эскароне. Но мои предки были из Ориосии, — я постарался ответить как можно более емко.

— Тем хуже для вас, сударь. У меня свои счеты с ориосцами.

Я только пожал плечами. Какого-то общепринятого раздражительного отношения к ориосцам нет. Нас слишком мало, и, в отличие от тех же южноалезийцев, мы никогда не ведем себя так вызывающе.

— Месье Орлов, — обратился ко мне де Рец, — я бы на вашем месте настаивал на снятии маски и объявлении имени этого господина. Может, он и вовсе не из благородных?

— Не волнуйтесь, месье, — усмехнулся человек в маске, — мое положение в обществе уж никак не ниже, чем у шевалье Орлова.

— Но мы не можем знать этого наверняка! — продолжал упорствовать де Рец.

— Вам придется поверить мне на слово, — в голосе Красной Маски начало проскальзывать раздражение, — и вообще, месье де Рец, если уж я пришел сюда, то драться шевалье Орлову придется в любом случае!

— Довольно слов, господа! — я снял плащ и шляпу, начал неторопливо освобождаться от камзола. — Мы пришли сюда для дуэли, так давайте займемся делом!

— Хорошо сказано, шевалье! — отозвался барон фон Грейм. — Со своей стороны мы с графом свидетельствуем, что сеньор, скрывающий лицо под маской, весьма знатного происхождения.

— Спасибо, господа, но мне действительно все равно. Господин Маска здесь для того, чтобы защитить честь маркиза де Аламеда, которого я имею основания считать невежей и трусом, так пусть защищает! Эн гарде, месье Маска, в позицию!

— Убей его, Маска, слышишь! — мгновенно вскипел Аламеда. — Непременно убей!

— Отойдите в сторону, маркиз, — Красная Маска освободился от плаща и шляпы, но предпочел остаться в камзоле. Вынужден отметить, что камзол его выглядел гораздо лучше моего.

— Я готов, шевалье, — произнес Маска, салютуя мне шпагой, — надеюсь вернуть вам то, что когда-то задолжал вашим соплеменникам-ориосцам.

— Неисповедимы пути Господни, — я отсалютовал и встал в позицию, — начнем!

Мой противник начал с простых вещей. Попытался стремительно провести прямой удар с выпадом в корпус. Я отступил. Дважды подряд Маска атаковал меня справа, затем один раз слева. Это все было слишком просто и не доставило мне каких-либо проблем — я парировал, применяя простые парады терц и кварта.

Не сумев добиться успеха минимальной затратой сил, бретер решил отдать инициативу в мои руки. По всей видимости, для того, чтобы подловить меня на ошибках в атаке. Да только я тоже не спешил форсировать ситуацию — не в моих правилах бросаться в атаку сломя голову. По этой причине на нашем ристалище несколько минут не происходило никаких активных действий. Мы кружились по площадке, лишь изредка скрещивая кончики клинков. Зрители начали выказывать признаки недовольства, но ни на меня, ни на моего противника это не возымело никакого действия.

Пара ложных движений с одной и с другой стороны — никакого эффекта. Наконец я перехожу в пробную атаку. Делаю два быстрых приставных шага и прямым ударом целю в голову. Красная Маска парирует, но я не даю увести свой клинок в сторону — мгновенно колю в выставленную вперед правую ногу. Противник выполняет ускользание, то есть быстро переносит ногу назад и одновременно выбрасывает рипост мне в грудь. Парирую с шагом назад и, развернув кисть, целю в запястье снизу. Маска уходит от атаки, отскочив назад.

На несколько мгновений застываем друг напротив друга, переводя дух. Затем Красная Маска срывается в яростную атаку. В стремлении запутать меня и заставить ошибиться, он постоянно меняет направление удара — его клинок целит мне то в грудь, то в голову, то в ногу, то грозит слева, то справа. Все быстро, точно, аккуратно, не оставляя просветов для мгновенной контратаки, но в то же время без каких-либо особых изысков, не ставя передо мной неразрешимых задач. Я отступал и спокойно парировал, а это, как известно, отнимает гораздо меньше сил, нежели непрерывные атаки. Поэтому, как только он взял паузу для отдыха, уже я перешел к активным действиям, поскольку вовсе не намеревался этот самый

отдых ему предоставлять.

Не успел еще защитник чести маркиза де Аламеда вернуться в защитную стойку из своей последней атаки, как я, сбив полукруговым батманом вправо его клинок, атаковал в плечо. Противник не успевал защититься и сделал единственно возможное в такой ситуации, то есть отпрыгнул назад. В свою очередь, я не позволил разорвать дистанцию — быстро сместился вперед и влево и вновь угрожал его правому плечу. Маске пришлось отмахиваться ударом риверси — слева направо по горизонтали, а это уже широкоамплитудное действие, выполнять которое нужно аккуратно. Судорожное же движение подуставшего бретера, не успевшего восстановить дыхание, аккуратно не вышло. Уходя с линии атаки, я качнулся назад. Не найдя цели, вражеский клинок по инерции ушел гораздо дальше в левую от меня сторону, чем было необходимо. Я сделал быстрый выпад и достал Маску в левую нижнюю часть живота. Он всем телом дернулся назад, что позволило избежать более глубокого ранения, но и это выглядело достаточным для прекращения боя — клинок вошел в тело почти на два дюйма.

Кто-то из зрителей вскрикнул, барон фон Грейм бросился к раненому:

— Довольно, господа!

Я отступил на шаг назад и опустил шпагу, при этом продолжая внимательно наблюдать за противником. И оказался тысячу раз прав! Несколько мгновений простояв в полусогнутом состоянии и зажимая рану левой рукой, месье в красной маске поднял перекошенное от боли и ярости лицо, окинул поле боя внимательным взглядом и, собравшись с силами, бросился в отчаянную атаку. Руководила им слепая ярость, а не холодная расчетливость, а поскольку я к такому развитию событий был готов, то парировал три или четыре удара без особых проблем. Потом ослабевший противник потерял концентрацию и получил укол в правое плечо. Шпага выпала из ослабевшей руки. Вслед за нею рухнул на землю и сам бретер. Первая настоящая дуэль в моей новой жизни завершилась победой.

Проснулся я полностью разбитым. Мышцы ломило, в голове перезванивались колокола, на душе скреблись кошки. Зачем? Зачем я все испортил? Ведь так все удачно складывалось. Я уложил бретера в маске, чем привел в изумление графа де Нарбонна с бароном фон Греймом и в неистовый восторг своих секундантов — де Реца и дю Бартеза. Недовольных было двое — собственно Красная Маска и маркиз Аламеда.

Откуда ни возмись, набежала куча народу. Скорее всего, работники мэтра Пигаля и некоторые посетители скрытно наблюдали за нашим поединком. Лекарь появился, едва только мы отправили за ним одного из подвернувшихся мальчишек — то есть он тоже был кем-то извещен заранее. Доктор Каспар, проживающий в пяти минутах ходьбы от «Серебряного оленя», пришел в сопровождении двоих помощников. Они аккуратно поместили невезучего бретера на носилки и быстро удалились. Маска был в сознании, но, очевидно, сильно страдал от боли. Впрочем, доктор заверил всех, что пациент будет жить.

Маркиз что-то пытался высказать своему бойцу, скорее всего, нечто нелицеприятное. Но граф де Нарбонн пресек эти попытки на корню. Тогда мой неприятель принялся оглашать воздух ругательствами и заявил, что «проклятый трактирщик» ему за все ответит. Мог ли я в этой ситуации смолчать? Наверное, мог. Но свою роль сыграли и эйфория от выигранного поединка, и злость на безобразно ведущего себя маркиза. Вообще, непонятно: как может человек благородного происхождения вести себя так низко?

Вспылил я изрядно. Схватив Аламеду за грудки, я в весьма крепких выражениях рассказал ему о том, кто он такой и что с ним произойдет, если его нога еще раз ступит на порог этого трактира. Он краснел и бледнел, но не выказывал никакого желания ввязаться в драку. Нас разняли. Маркиза укоряли даже его приятели. Поэтому, когда Нарбонн поинтересовался о причинах моей столь трепетной заботы о ничем не примечательном трактире, я не почувствовал тени подвоха. Сказал, что не могу позволить какому-то маркизишке уничтожать добрую репутацию заведения, в котором живу уже достаточно долго. Это было просто и понятно. Все сочли мои объяснения достаточными. И ничего не требовалось к этому добавлять. Но я добавил. Мелькнула мысль, что момент очень подходящий для того, чтобы сказать правду. Правду, которая все равно выплывет со временем на поверхность, и, по закону подлости, в самое неподходящее время.

М-да. Если уж вчера известие о том, что я отныне занимаюсь охраной трактира, в мгновение ока превратило меня из героя в изгоя, то можно себе представить, каково бы мне пришлось в «неблагоприятной ситуации». У нас, дворян, все не как у простых людей. Масса всяческих условностей и предрассудков. Казалось бы, ничего предосудительного в подобном способе зарабатывания денег нет. Но вы попробуйте хотя бы заикнуться об этом в благородном обществе! Вас будет ожидать взрыв негодования: дворянин состоит в услужении у трактирщика! Позор! Ладно бы еще купца охранять, но трактирщика! Хотя, по большому счету, и купец, и хозяин трактира принадлежат к одному сословию, просто разным делом занимаются. Но попробуй-ка объясни — не принято так, и все тут!

Простились со мной подчеркнуто холодно. Нарбонн презрительно кривил губы, Грейм раздувал щеки, Рец хмурил брови, Бартез задумчиво дергал ус. Аламеда, вовсе не прощаясь, удалился с высоко задранной носом. Ох, чувствую, продолжение не заставит себя долго ждать.

В предельно скверном настроении я спустился вниз. Зал был почти пуст — всего четверо посетителей неспешно поглощали поздний завтрак. Никого из obsługi в трактире не оказалось, но в этом не было ничего удивительного, ибо в это время кто-то был занят на кухне, кто-то еще не вернулся с закупками с рынка. Удивительным было то, что никого не было за стойкой. В утренние часы мэтр Пигаль доверял этот ответственный пост племяннику, а если тот был занят, то от кухонного очага призывалась одна из кухарок. Однако в данный момент место за стойкой пустовало. Не то чтобы меня сильно взволновала эта ситуация — просто еще одна маленькая неприятность в довесок к остальным — я ведь собирался быстренько заказать завтрак и запереться в номере до вечера. На минуту я замер в нерешительности: дожидаться кого-нибудь в общем зале или отправиться на поиски?

Желание поскорее забиться в свою нору пересилило. Я обогнул стойку, толкнул дверь в кухонное помещение и очутился в волшебном мире скворчащих сковородок и кипящих котлов. Мой нос стремительно атаковали запахи жаркого и пряностей, маринадов и свежей сдобы. Желудок отреагировал веселым урчанием — несмотря на поганое настроение, есть хотелось сильно.

Дверь открылась совершенно бесшумно, возможно, поэтому в первое мгновение на меня никто не обратил внимания, все кухонные работники продолжали заниматься своими делами. Честно говоря, я рассчитывал сразу обнаружить здесь Фернана или его помощника и решить свои проблемы, поэтому возникшая ситуация меня снова обескуражила. Искомых людей я не нашел и, к кому обратиться в их отсутствие, не знал. Дело в том, что денег за свою работу я еще не получал и не был уверен в том, что все работники трактира поставлены в известность о моем новом статусе.

Но на этот раз ситуация разрешилась сама собой. Молоденькая кухарка обернулась. Удивление в ее взгляде быстро сменилось радостью, но так же быстро радость перешла в сомнение. Поколебавшись пару мгновений, девушка решительно тряхнула головой и, вытирая на ходу руки о передник, подбежала ко мне. Я уже было открыл рот, чтобы осведомиться, где хозяин, но она молча схватила меня за руку и потащила за собой в глубь помещения. Все это было так неожиданно и интригующе, что я не нашел, что возразить.

Ловко пролавиrowав между разделочными столами и очагом, мы достигли двери, которая, по моим представлениям, должна была вести в какие-то подсобные помещения. Здесь моя провожатая придержала меня за руку и, красноречиво приложив палец к губам, призвала не шуметь. Я не совсем ясно представлял себе, что происходит, но решил довериться девушке, справедливо полагая, что она знает, что делает.

Подтверждая мои мысли, молодая кухонная работница очень медленно потянула дверь на себя. Дверь при этом не издала ни звука. Из смежного помещения явственно потянуло холодом, из чего можно было сделать вывод, что там находится либо просто подвал, либо даже настоящий ледник.

— Двое. По виду — сущие головорезы, — прошептала напоследок незнакомка, освобождая мне дорогу.

Кивнув головой своей добровольной помощнице, я проскользнул в дверной проем. Осторожно спускаясь по довольно-таки длинной лестнице, медленно извлек шпагу из ножен. Впереди слышались голоса. Лестница плавно изгибалась вправо, поэтому я пока был скрыт от взглядов людей, разговаривавших внизу.

По мере моего продвижения вниз приглушенные вначале голоса звучали все отчетливее.

— Не за просто так, крыса ты трактирная, — различил я наконец чей-то на редкость

уверенный в себе слегка хрипловатый голос, — а за спокойствие твоего совсем не бедного заведения. И не нужно рассказывать мне, что у тебя плохо идут дела. Помещенье-то под ледник подготовил? А ледник — удовольствие не дешевое.

Фернан пробормотал в ответ что-то неразборчивое. Но это «что-то» очень не понравилось его оппоненту.

— Что ты там мычишь? Ну-ка, Носорог, придуши-ка слегка щенка, а то наш любезный мэтр Пигаль плохо соображает!

Последовали звуки борьбы, завершившейся коротким придушенным всхлипом. Мягко выскользнув из-за угла, я оказался прямо за спиной у обритого наголо толстяка, державшего Жерара сгибом руки за шею. Невысокий крепыш с проседью в коротко стриженных волосах и, по всей видимости, обладатель хриплого голоса, скрестив руки на груди, стоял боком к входу. Поэтому я очень удачно оказался и вне его поля зрения. Растерянный Фернан Пигаль располагался напротив крепыша. Он оказался единственным из присутствующих, кто заметил мое появление. Но бедняга трактирщик был так напуган действиями непрошенных гостей, что никак на него не отреагировал, только беспомощно хватал ртом воздух да вертел головой, переводя взгляд с одного бандита на другого.

— Еще немного упрямства, трактирщик, — главный из вымогателей и не пытался скрыть насмешку, — и цена твоего спокойствия возрастет до пяти золотых в месяц.

— Отпусти мальчишку! — произнес я, приставляя шпагу к затылку второго бандита. Он вздрогнул от неожиданности, но хватку не ослабил. — Я смотрю, спокойствие нынче — весьма дорогой товар! Не слишком ли загнул?

— Ну, спокойствию благородного господина-то ничто не угрожает, — вопреки моим ожиданиям, седоватый крепыш и не думал терять самообладания, — что же вас, сударь, привело в этот грязный подвал?

— Убери шпагу, иначе я сверну мальчишке шею! — ободренный спокойствием своего подельника, Носорог решил вернуть инициативу в свои руки. Только не на того нарвался. Я с пятнадцати лет участвую в реальных военных действиях. С чем только не сталкивался за это время. Так что со мной такой номер не пройдет.

— Слышишь, ты, Бегемот, или как там тебя, — усмехнулся я, немного вдавив клинок ему в затылок, — если ты свернешь мальцу шею, то точно не выйдешь отсюда живым. Так что убери от него свои грязные лапы и отойди в угол!

— Сударь, у вас, благородных, свои дела, а у нас свои, — снова взял слово крепыш, — не мешайте нам, и мы не потревожим вас.

— Звучит как угроза!

— Ну что вы! Мы просто не хотим осложнений. Ни для нас, ни для вас.

— Убирай шпагу! — рявкнул Носорог и, подтверждая свои серьезные намерения, усилил давление на шею Жерара.

В тот же миг я нанес ему жестокий удар ногой. Пройдя меж его широко расставленных ног, носок моего сапога вонзился громиле в пах. Носорог коротко вскрикнул от боли и разжал руки. Родственник трактирщика упал на пол и быстро перекатился подальше от державшего его в удушающем захвате бандита. Я подскочил к Носорогу и что есть силы треснул его эфесом по бритому затылку. Тот рухнул на колени, затем неуклюже завалился на бок.

— У-у! — поморщился крепыш. — Не очень-то благородно, месье!

— Не нужно учить меня благородству, милейший! — парировал я словесный выпад. —

Душить мальчишек тоже не благородно!

— Ну, так нам простительно, мы люди простые! — глумливо ощерился напарник Носорога, картинно разводя руки в стороны.

— А я, знаете ли, тоже не приучен шаркать ножкой по паркету — вырос на границе. Так что не советую испытывать меня на прочность.

— Понял, мы с товарищем уже уходим.

Он пошел помогать подниматься своему громиле, который, нужно отдать ему должное, даже не потерял сознание. Я же на всякий случай переместился таким образом, чтобы оказаться между незванными гостями и моими подопечными — трактирщиками.

Когда крепыш, поддерживая под руку ковыляющего на полусогнутых ногах Носорога, добрался до подножия лестницы, он обернулся, улыбнулся Фернану, словно старому товарищу, и небрежно бросил:

— Мы зайдем попозже, старина, а ты пока подумай хорошенько.

— Тут нечего думать, — вмешался я, — мои услуги обходятся вдвое дешевле!

Он застыл на месте, словно громом пораженный. Подельник крепыша по прозвищу Носорог, потеряв опору в виде его руки, вынужден был резко взмахнуть руками ради сохранения равновесия.

— А! — воскликнул крепыш, внезапно просветлев. — Месье купил этот трактир?

На его растерянном лице была так явственно отображена надежда, что у меня не хватило духу сразу разочаровать его. Тем более что бандит, сам того не подозревая, высказал мысль, которая могла бы существенно облегчить мое положение, приди она в голову мне на пару дней раньше! Ведь можно было условиться с трактирщиком об этой маленькой лжи — может, в благородном обществе и поморщилась бы пара носиков, но этим бы дело и ограничилось. Теперь же, после того, что произошло накануне, мне остается ждать только шквала презрения...

Все эти мысли пронеслись в моей голове за один короткий миг. После чего я, тяжело вздохнув, все-таки решил разочаровать своего оппонента.

— Вы хотите сказать, что...

— Что я уже нанят мэтром Пигалем для охраны его трактира и что мои услуги стоят гораздо дешевле ваших.

— Но вы же из благородных!

— Тем больше у меня поводов заботиться о соблюдении порядка.

— Ох, месье, умеете вы удивить, — крепыш укоризненно покачал головой, — но, боюсь, что человеку, который нас сюда прислал, это очень не понравится!

— Я так полагаю, — усмехнулся я, — что послал вас сюда не его величество Филипп Восьмой Монтерье, волей Божьей король Эскарона? Нет? В таком случае, кто бы ни был вашим хозяином, это не произведет на меня никакого впечатления.

— Хм, — в свою очередь усмехнулся крепыш, — ну а если имя моего хозяина — Кривой Нэш?

— Кто? — я недоуменно поднял бровь, поскольку такого имени не знал.

— Кривой Нэш, — повторил он, впрочем, уже без всякого энтузиазма.

— Никогда не слышал.

— Лучше бы вам, сударь, не лезть в это дело.

— Унесите-ка отсюда ноги, канальи, пока целы! — мне окончательно наскучил этот разговор. К тому же мое мрачное настроение никуда не делось.

— Уходим-уходим, — как только разговор повернул в слишком уж опасное русло, крепыш решил ретироваться.

— И не попадайтесь мне на глаза, иначе я за себя не ручаюсь!

Вместо слов благодарности трактирщик долго и сбивчиво пытался поведать мне, какой опасный человек этот Кривой Нэш. И вся Монтера дрожит при одном лишь звуке его имени. Ну, насчет всей Монтеры — это он явно преувеличил. Я вот, к примеру, как ни напрягал память, но так и смог вспомнить про такого. Купцы, с которыми я работал, упоминали как-то вскользь, что платят кому-то «за спокойствие торговли» в столице, но никаких имен не называли. Опять же — относились они к этому совершенно спокойно, из чего можно сделать вывод, что плата эта была небольшой.

Жерар выглядел подавленным и был непривычно мрачен. Его руки то и дело непроизвольно тянулись к шее, словно снова и снова пытались проверить: не повредил ли ее чудовищный захват Носорога.

Как бы то ни было, но я наконец-то получил свой завтрак и отправился наверх — зализывать душевные раны и преодолевать плохое настроение.

Несмотря на то, что желудок мой наконец-то был удовлетворен и не грозил мне больше голодным обмороком, настроение не спешило улучшаться. Погода тоже была под стать настроению: весь небосвод затянуло серыми тучами, моросил мелкий дождь, деревья сгибались под порывами ветра. Глядя сквозь грязное стекло на трактирный двор, я вяло удивлялся такому казусу природы — ведь еще вчера вечером ничего не предвещало непогоды, напротив, были все признаки приближающегося лета. И вот — такой подвох. Что же будет дальше? Это мои мысли уже от непогоды плавно перенеслись на мое собственное незавидное положение. Чувствуя, что дальше опять последует сеанс самобичевания и вздыхания над упущенными возможностями более хитро подать обществу свое новое положение, я решил пресечь это на корню.

До времени наибольшего наплыва посетителей в трактир оставалось еще не менее пяти часов, которые я мог потратить по своему усмотрению. Вот и решил воспользоваться этой возможностью. Закутавшись в плащ и нахлобучив поглубже шляпу, отправился в сторону набережной — вид волнующегося моря меня всегда успокаивал.

Исходя из названия Второй Ремесленной улицы логично было бы предположить наличие в городе еще нескольких Ремесленных улиц с другими порядковыми номерами или, как минимум, хотя бы Первой из них. Однако это было так же неверно, как и то, что на улице проживали одни ремесленники. Монтера активно росла и расширялась последние лет двести, и короли Эскарона никогда не жалели денег ни на перестройку улиц, ни на переселение граждан из сносимых строений. Когда-то в нашей столице, как и во многих других городах, гильдии цеховиков селились компактно, то есть существовали целые кварталы кузнецов, сапожников, столяров, краснодеревщиков и прочих ремесленников. Но потом один из предков нынешнего монарха решил наказать старост гильдий за взвинчивание цен. Под предлогом расширения центра города ремесленные кварталы были снесены, а мастера расселены на новых улицах вперемешку. Всего Ремесленных улиц было задумано шесть, по три в западной и восточной частях города. Но построить успели только две из них — Монтера в те годы так стремительно расширялась, что планы застройки изменились прежде, чем удалось реализовать предыдущие. Первая Ремесленная, не просуществовав и тридцати лет, попала под очередную перестройку и была поглощена Весенним бульваром. Вторую Ремесленную спасло то, что в свое время она строилась на самой восточной окраине города и ни один из рукавов Солы ее не пересекал. Места тогда еще было предостаточно, и новые улицы сразу делали широкими. Хорошие мастерские быстро богатели, а домовладения не очень хороших мастеров быстро сменили хозяев на богатых купцов или лавочников. Ну, а поскольку народ тут собрался не бедный, то большинство домов давно уже были перестроены из деревянных в каменные и мостовая замощена булыжником. Со временем и большинство ремесленников устроили в первых этажах домов собственные лавки и улица окончательно приняла вид скорее улицы лавочников, нежели ремесленников. Но название никто не удосужился изменить, а посему так и называлась — улица Вторая Ремесленная.

Дождь и не думал прекращаться, наоборот, припустил еще основательнее. Словно ждал, когда я покину защиту надежного крова «Серебряного оленя». Обгоняя меня, по мостовой спешили в сторону моря грязные потоки воды. Редкие прохожие старались пробираться вдоль стен домов, куда еще не успела добраться дождевая река. Чья-то карета с нахохлившимся на

козлах кучером и несчастным, насквозь мокрым фореитором неспешно прокатилась прямо по центру улицы. Видимо, кучер получил приказ двигаться так медленно, чтобы не залить водой из луж и так обремененных борьбой со стихией пешеходов. Было удивительно, что кто-то из благородных господ подумал о простых людях. Восприняв это как хороший знак для меня, я еще решительнее направился сквозь непогоду к намеченной цели.

Но, успев пройти всего полквартила, столкнулся с неожиданным препятствием в виде своего же левого ботфорта, давшего солидную течь.

— Вот и спустили вас, месье Орлов, быстренько с небес на грешную землю. И ткнули практически лицом в самую грязь, — произнес я сам себе, задумчиво разглядывая так не вовремя прохудившуюся обувь.

М-да. Денег на новой работе я еще не заработал, а без исправных сапог уже остался. Может, это провидение намекает мне на ненужность прогулок под дождем? Ну-ну, самому смешно. Просто нужно лучше следить за обувью.

Оторвавшись от созерцания своих ботфорт, я тут же уперся взглядом в вывеску, красовавшуюся на одном из домов с противоположной стороны улицы: «Венсан Лурье. Изготовление и ремонт обуви».

— Хм, — усмехнулся я и сунул руку в карман, чтобы убедиться, что та мелочь, которая осталась у меня в результате экономии платы за жилье, никуда не исчезла, — что ж, попробуем.

Вновь вернувшись к мыслям о предначертанности свыше некоторых людских шагов, я, окончательно промолив ноги, перешел улицу прямо через бурлящий мутный поток и толкнул дверь жилища мастера Лурье.

— Что же за улица у вас такая? Что вы все тут такие непонятливые?

— Да вы тоже сообразительностью не отличаетесь! — едва войдя в лавку обувщика, я был вынужден сразу же потянуть из ножен шпагу.

Мои старые знакомые — Крепыш и Носорог, по всей видимости, продолжали свою пропагандистскую миссию. Об этом лучше всяких слов свидетельствовал вид сидевшего на полу невысокого черноволосого мужчины примерно сорока лет от роду. Левой рукой он зажимал расквашенный нос, а правой лихорадочно шарил в одном из множества карманов своего рабочего фартука. Картину дополнял стоявший у раскрытой двери во внутренние помещения со шваброй наперевес молодой парнишка, имевший несомненное фамильное сходство с получившим оплеуху от Носорога мужчиной. Сам головорез был застигнут мною на полпути между сидящим на полу хозяином лавки и его воинственно настроенным сыном.

— А ну-ка, отойди от них!

При виде меня Носорог втянул голову в плечи и вопросительно взглянул на своего подельника. Тот, в свою очередь, смотрел на меня со смесью страха и раздражения.

— Право, я начинаю думать, что Монтера слишком маленький город, — усмехнулся я.

— Ваша милость, не лезли бы вы в это дело! — покачал головой Крепыш. — Или это заведение тоже под вашей опекой?

— Я же просил не попадаться мне на глаза! — Выйдя на середину комнаты, я шпагой указал бандитам на дверь: — Вон!

— Идем, дружище, сегодня у нас неудачный день!

Громила молча протопал к выходу, злобно косясь на мою шпагу. Второй же бандит обернулся в дверях:

— Не лезли бы вы в это дело, сударь, ей-богу. Господин Нэш не потерпит этого, а ваша

замечательная шпага не защитит вас где-нибудь в подворотне.

— Исчезни с глаз моих!

Дверь наконец-то захлопнулась за незваными гостями, и хозяева разом шумно перевели дух.

— Ох, ваша милость, — с кряхтением старший мужчина, несомненно, являющийся тем самым Венсаном Лурье, поднялся с пола, — сам Бог направил ваши стопы в мою лавку. Уж не знаю, как бы мы без вас отбились от этих бандюг!

— Ну, сегодня вам повезло, а что будет завтра? Не сослужил ли я вам дурную службу?

— Нет-нет, ни в коем случае! Завтра же пройду по соседям, договорюсь о взаимопомощи, авось отобьемся!

— А что же стража?

— А что стража? — Лурье пренебрежительно махнул рукой. — Можно заплатить стражникам, они деньги-то возьмут, но постоянно здесь тоже сидеть не будут. Да и, по слухам, Кривой Нэш такую силу набрал, что стражники с ним опасаются связываться.

— Дела! — я удивленно присвистнул. — На дорогах королевства навели порядок, а под самым носом, в столице, разбойники наглеют!

— Кажется, я понимаю, кого, а вернее, что я должен благодарить за ваше чудесное появление в моем скромном заведении, — обувщик взглядом указал на мои выдавшие виды ботфорты.

Через четверть часа я уже покинул так удачно попавшуюся мне на глаза лавку Венсана Лурье. Обут я был в новенькие ботфорты, а мои скромные сбережения в медных монетах все так же болтались в моих карманах. Вдобавок ко всему через пару дней обувщик обещал привести в пристойный вид и мои старые сапоги. Все это в обмен на обещание впредь всегда обуваться только у мастера Лурье. Черт побери, это я удачно зашел!

Решив не испытывать более судьбу, ибо количество хороших событий, произошедших сегодня со мной, и так уже можно было считать большим, я изменил планы и далее отправился не на набережную, а «домой» — в трактир.

В дверях трактира я нос к носу столкнулся с незнакомым молодым человеком в видавшем виды, сильно выцветшем дорожном плаще.

— Простите, сударь. Добрый вечер! — он буквально вжался в дверной косяк, уступая мне дорогу.

— Добрый день, — буркнул я в ответ и, не задерживаясь более, направился наверх.

И только поднявшись к себе, под самую крышу, я вдруг сообразил, что же было не так в этом молодом человеке. Худощавое лицо с очень аккуратными, правильными чертами, зеленые глаза, длинные белые волосы, собранные в конский хвост, необычная, какая-то совершенно особенная плавность движений. Уши. Вот уши я не видел, их верхние части были прикрыты волосами, но и без лицемерия главной отличительной особенности — удлинённых и заостренных ушей — можно было с уверенностью сказать, что тот молодой человек вовсе человеком не является. Он — эльф, ну, или полуэльф, такое хоть и редко, но тоже бывает.

Эльфы — древняя раса. Гораздо более древняя, нежели люди. По легендам, перворожденных рас было четыре: эльфы, гномы, орки и гоблины. Некоторые сюда же относят амазонок, но это уж не выдерживает никакой критики — подданные аллорийской правительницы такие же люди, как и мы, только у них, каким-то непостижимым образом, сохранился и даже процветает матриархальный уклад общества. Титулы и наследство у них передаются только по женской линии. Как при этом удастся удерживать в узде местных мужчин — совершенно непонятно, слухи ходят самые разные, но точных сведений нет. Ибо страна амазонок — Аллория — существует в некоторой изоляции от окружающего мира.

Эльфы тоже стараются не допускать в свои земли чужеземцев. Тем более что тех земель осталось не так уж много. Постепенно под напором людских королевств эльфам пришлось отступить в труднодоступные горные долины. Слухи о несметных эльфийских сокровищах настолько сильно будоражат людские умы, что вряд ли даже природные заслоны смогут оградить древний народ от посягательств алчных соседей. Но, по крайней мере, сейчас эльфы получили передышку. Укрепили горные рубежи, особенно на границе с вечно задиристым Нугулемом, системой защитных сооружений. И наконец-то осознали необходимость поиска союзников среди людей. Тут очень кстати подоспел королевский эдикт номер сто шестьдесят восемь эскаронского короля Альберта Второго, в котором предок его величества Филиппа Восьмого провозглашал равенство всех рас на территории Эскарона. Эльфы оценили жест, и в Монтере, в первой из человеческих столиц, появилось эльфийское посольство.

Что касается других древних рас, то все сведения о них существуют лишь на уровне слухов. Вроде бы гномы и сейчас обитают глубоко под землей и настолько привыкли к темноте, что уже и не могут показываться на солнце. Вроде бы гоблины до сих пор прячутся в дремучих лесах Закатного материка. Вроде бы южнее расположенной за южной границей халифатов Серой пустыни все еще живут и даже изредка совершают беспощадные набеги на людские поселения орки. Честно говоря, не верю. Слухи — они и есть слухи. А вот боевые отряды эльфийских лучников — это реальность, которую я наблюдал своими собственными глазами. И не раз благодарил Бога за то, что в том пограничном конфликте с Нугулемом они были на нашей стороне. Именно тогда я и получил свой опыт общения с эльфами. Потому и

сумел распознать представителя древнего народа по второстепенным признакам.

Однако нужно отметить, что этот эльф вовсе не был похож на эльфов посольских. Со времени заключения союза с Эскароном те всегда обитали в особняке на бульваре Фанфар в количестве семи-восьми особей. То ли все они были представителями высшей аристократии эльфийского королевства Анкилон, то ли им выделялось шикарное денежное содержание, но были они всегда богато одеты, ухожены и снисходительно вальяжны. А этот... Этот напоминал скорее одного из виденных мною эльфов-стрелков, и если бы из-за его плеча торчал кончик лука, то выглядело бы это вполне гармонично. Хотя нет, у стрелков чувствовалось наличие четкой цели в жизни, такого внутреннего стержня, а этот выглядел каким-то... потерянным, что ли.

— Оп-па! — воскликнул я растерянно, уже переступив порог своих апартаментов. Пришедшая мне в голову мысль была настолько неожиданна, что заставила замереть на месте. Я внезапно понял, что на самом деле встреченный внизу эльф больше всего похож на меня, человека благородного по происхождению, но из давно и безнадежно обедневшей семьи, не имеющего постоянных средств для существования и плывущего безвольной щепкой в бурном потоке жизни.

— Ну и ладно, это не моя проблема.

Я ошибался. Но узнал об этом только спустя несколько дней.

Никогда не мог даже предположить, с какой скоростью могут распространяться слухи в таком большом городе, как Монтера. Прошло всего два-три дня, а казалось, что уже вся двухсоттысячная столица знала о сумасшедшем дворянине, занимающемся столь неслыханным для своего сословия делом. В трактир валом повалил народ — поглазеть на это чудо. Я чувствовал себя так, словно попал в зверинец. Оставалось лишь непонятным, в каком качестве: экспоната или посетителя. Понятное дело, что я предпочитал второе, ибо каких только петухов, павлинов и откровенных баранов мне не пришлось увидеть за это время. Боюсь только, что для них именно я был диковинным уродцем, выставленным на всеобщее обозрение...

За шпагу приходилось хвататься по два-три раза за вечер, но, к моему немалому удивлению, все поединки оказались практически бескровными и победы доставались мне на удивление легко. Что только подстегивало интерес к моей персоне и увеличивало количество желающих попытать счастья. Часто дерзили молодые отпрыски богатых семейств, а однажды случился и вовсе комичный случай.

Я мирно ужинал, когда в тарелку с моей кашей упала новенькая щегольская перчатка из тонкой кожи. Кровь с бешеной силой ударила мне в голову, в глазах на мгновение потемнело. Первым желанием было засветить кулаком в лицо наглецу, так, чтобы по сторонам посыпались осколки разбитых зубов. Потом засунуть ему в глотку эту перчатку, засыпать остатками испорченной каши и пропихнуть внутрь при помощи кинжала.

Мелькнувшая в моей голове кровожадная картина была столь яркой, что напугала меня самого. Я шумно выдохнул, аккуратно расправил ложкой перчатку в тарелке, полил сверху соусом и, решительно отодвинув от себя, спокойно заявил:

— Съем, когда промаринуется.

Только после этого я поднял взгляд и обнаружил отчаянно молодящегося господина лет пятидесяти пяти. Ни наряд молодого щеголя, ни крашенные волосы и усы, ни обильно припудренный нос не могли скрыть его истинного возраста. Мне даже стало его немного жаль. Возможно, причиной его тщетных попыток выглядеть молодым является любовное

чувство к какой-нибудь прелестной юной особе. Влюбленный человек часто теряет голову и идет на всевозможные ухищрения, по его мнению, способные приблизить его к предмету обожания. Только вот не способен он в таком состоянии взглянуть на себя со стороны, понять, что на самом деле выглядит просто смешно и нелепо.

К тому времени, когда мы вышли на задний двор «Серебряного оленя», я уже остыл и полностью контролировал свои эмоции. В предвкушении нового зрелища народ из трапезного зала, как всегда, повалил за нами. Но зрелища не получилось. Шевалье ле Блан был настолько медленнее, что я дважды оказывался у него за спиной и приставлял кончик шпаги к его затылку. Оба раза прощал, возобновляя поединок, на третий раз просто выбил оружие из его руки и миролюбиво сказал:

— Ступайте домой, шевалье, это была плохая затея!

Кухня «Серебряного оленя» едва справлялась с наплывом посетителей. Мэтр Пигаль радостно потирал ручки, подсчитывая прибыль. Жерар взял на вооружение политику легкого прикармливания студиязусов — благодаря скидкам на самые простые блюда и напитки слушатели университетских курсов неотвратимо превращались в завсегдатаев нашего заведения. Несмотря на буйный нрав, особых хлопот молодые люди не доставляли — оказалось, что они даже прониклись уважением к моей жалкой персоне. Во-первых, молодости свойственно бунтарство, а во мне они увидели бунтаря. Во-вторых, до них дошли слухи, что я не позволил стражникам заманить их в ловушку. В-третьих, сыграло свою роль бесплатное пиво, выставленное им на следующий день за счет заведения.

Мой рабочий день более-менее устоялся. Поднимался я довольно-таки поздно, часов в девять. Обязательно спускался во двор и около часа истязал себя и несчастную колоду фехтованием. Затем завтракал и отправлялся гулять к морю, после обеда либо просто сидел в своей комнате, либо навещался в ближайшую церковь. Ближе к вечеру обязательно занимался своим оружием: шпагой, кинжалом и двумя пистолетами. Шпага была семейной и перешла ко мне по наследству, после смерти отца. Кинжал — трофейный. Я взял его в одном из первых своих приграничных боев с нугулемцами. Пистолеты были взяты года полтора назад в качестве части жалованья за сопровождение большого купеческого каравана. Хорошо, что торговец тогда сам предложил такую сделку, увидев мой выдавший виды и грозящий развалиться при следующем выстреле пистолет. Я постоянно откладывал покупку оружия до лучших времен, но, как показала практика, эти времена могли и вовсе не наступить.

В трапезный зал я спускался часов в шесть вечера и обычно просиживал там до десяти-одиннадцати часов ночи. С перерывами на фехтование, так сказать. После поднимался к себе, наказав в случае чего слать ко мне гонца, роль которого играл какой-нибудь мальчишка из младшей кухонной прислуги.

Через пару недель наплыв посетителей слегка снизился. Благородной публике пришлось признать шевалье Орлова не такой уж легкой добычей, и задирать меня стали более серьезные противники. Начало положил некий шевалье де Косуэнс. Был он щегольски одет, по последней моде завит и напомажен. Кроме того, постоянно подносил к напудренному носу надушенный платок с богатой вышивкой. Я так до конца и не понял: у месье проблемы с обонянием или по вышитым на платке вензелям я должен был понять, что он пользуется благосклонностью некой знатной особы? Честно говоря, мне было наплевать как на первое, так и на второе. Особенно после всех произнесенных через оттопыренную нижнюю губу оскорбительных слов.

Не теряя времени на дальнейшее выяснение отношений, мы вышли на задний двор, где, несмотря на довольно приличное владение шпагой, уже через пару минут месье Косуэнс корчился на земле с пробитым бедром, оглашая воздух отборными проклятиями. Поначалу мерзавец категорически отказывался приносить извинения, но мне удалось отобразить на лице такую неподдельную радость от его отказа, что у него мигом отпали все сомнения по поводу моей решимости воспользоваться своим правом и довести дуэль до конца. Так что извинения я получил, причем четкие, вразумительные и громкие. Чтобы их смог расслышать любой из двух десятков человек, вываливших вслед за нами из трактира. После этого добровольные помощники нашли свободный экипаж и повезли незадачливого забияку к лекарю.

Несмотря на благополучный исход и этого поединка, настроение мое испортилось. Опять меня начали грызть сомнения. Давило тяжким грузом и порядком раздражало отношение окружающих. Вроде бы все я уже тысячу раз передумал, сделал выводы, принял решение и настроился, подготовился к подобной реакции, а нет — все равно сомнения вновь и вновь закрадываются в душу.

В трактир возвращался с твердым намерением напиться, но по пути передумал. Купил целый кувшин клюквенного морса и ушел к себе наверх. Видеть никого не хотелось, но и опускаться до банального заливания своих проблем вином я не собирался.

И был прав вдвойне, поскольку приключения на этот день еще не были исчерпаны. Около одиннадцати часов ночи сквозь приоткрытое окно я услышал крики кухонного мальчишки. Мое присутствие снова требовалось в трапезном зале.

Через минуту я выяснил причину, по которой ко мне не прислали гонца, как обычно, а вызвали криком со двора. Просто по лестнице в данный момент никто не мог ни подняться, ни спуститься. Потому что стоящий на нижних ступеньках недавно встреченный мною эльф отчаянно отбивался сразу от троих разгоряченных вином господ.

— В чем дело, господа? — спокойно осведомился я, свешиваясь через перила верхней площадки.

— Вас это не касается, милостивый государь! — раздраженно бросил мне в ответ один из нападавших.

— Загоним зверушку, приятель! — радостно завопил его товарищ, предлагая мне присоединиться к их «охоте».

Эльф бросил настороженный взгляд в мою сторону, но разворачиваться не стал. То ли понял, что я не нападу на него, то ли просто трезво оценил обстановку: сдержать еще одного атакующего с верха лестницы у него уже не было никакой возможности.

Я поднял вверх пистолет и разрядил его в потолок. Шум переполненного зала мгновенно стих. Все посетители: и те, кто делал вид, что ничего особенного не происходит, и те, кто подбадривал устроивших травлю эльфа дворян, и те, кто не одобрял происходящего, но не вмешивался, — все дружно замолкли и обратили свое внимание на меня, медленно спускающегося по лестнице.

— Если кто-то считает себя вправе нарушать королевский эдикт номер сто шестьдесят восемь, — с угрозой в голосе произнес я, — то пусть громко и четко назовет свое имя. Чтобы все присутствующие здесь добрые монтерцы могли оценить храбрость человека, бросающего вызов королю Эскарона!

С минуту в «Серебряном олене» царила тишина — народ переваривал услышанное. Атаковавшие эльфа дворяне оказались в щекотливом положении: отступить они не могли,

так как считали это уроном для своей чести, продолжить также не могли, поскольку в этом случае противопоставляли себя королевской власти. И чем дольше протянется их нерешительность, тем сложнее им будет выпутаться из неприятной ситуации. Потому что в зале уже начали раздаваться голоса в защиту эльфа.

— Прекратите безобразие, господа!

— Оставьте эльфа в покое!

— Орлов прав, не трогайте эльфа!

Последнему выкрику я был не особенно рад, так как по лицам нападавшей троицы понял, что фамилия моя им известна и свое негативное отношение ко мне они скрывать не собираются.

— Насколько я помню, месье Орлов, — отозвался самый сообразительный из противников эльфа — низкорослый щуплый брюнет с аккуратными черными усиками, — эдикт не запрещает вызывать господ эльфов на дуэль.

— Хотите сказать, что у вас дуэль? В общем зале трактира, трое против одного?

— Да мне все равно, где драться! — неожиданно вспыхнул второй дворянин, самый толстый и самый рьяный из нападавших. — И я ни у кого не собираюсь спрашивать разрешения!

— Тише, дю Плине, тише, — поспешил успокоить его товарищ, — шевалье Орлов грозит нам Замком-на-Воде. Давайте же не доставим ему такого удовольствия.

— Будь я проклят, если позволю какому-то трактирному вышибале засадить меня в тюрьму!

— Ну и как, Орлов, тебе живется на службе у трактирщика? — с ухмылкой подал голос третий дворянин.

Быстро сообразили друзья-товарищи, как переключить всеобщее внимание со своего нарушения королевского эдикта на более резонансное событие. Думали, что я выйду из себя и брошусь в драку? А вот и нет! Даже к своему собственному удивлению, на этот раз я остался совершенно спокоен.

— Нормально живется, — безразлично пожал я плечами, — не сижу на шее у богатых родственников, не проматываю родительское состояние, не ворую, не граблю на дорогах. Честные деньги за честную работу. И, кстати, полностью одобрено церковью!

Такой ответ сбил охотников на эльфа с толку, и они вновь поспешили переключиться на первоначальную жертву.

— Виконт де Рибейк, — брюнет щелкнул каблуками, называя свое имя представителю лесного народа, — вызываю вас, месье эльф, на дуэль! Время и место назначьте сами, но не затягивайте! Иначе о вас пойдет дурная слава.

— Барон дю Плине к вашим услугам! — рывкнул второй «охотник». — Я тоже бросаю вам вызов! И настоятельно рекомендую выяснить наши отношения сейчас же!

— Шевалье д'Эмери! — третий отвесил эльфу шутовской поклон. — Рекомендую начать с меня!

— Тан Арчер Эйнаурральде к вашим услугам, господа! — доселе молчавший эльф плавным движением вложил шпагу в ножны. — Я готов драться с вами прямо сейчас, причем с троими одновременно!

Услышав это заявление, весь трактир возбужденно загудел. Нечасто находились такие храбрецы, чтобы соглашаться драться с тремя противниками одновременно. Само собой, в случае официальной дуэли господ де Рибейка, дю Плине и д'Эмери это устраивать не могло,

ибо ставило в крайне неудобное положение. Но это были еще не все неприятные сюрпризы от тана Арчера.

— А поскольку выбор оружия за мной, то биться мы будем на луках. Дистанция тридцать метров, по пять стрел любого вида на каждого участника. Жду вас на улице, господа!

— Да эта скотина издевается над нами! — после небольшой паузы взревел барон дю Плине.

— Тан, лук — это оружие простолюдина. У нас благородные люди не бьются на луках! — укоризненно покачав головой, заявил Рибейк.

— Зато у нас бьются, да еще как!

Тут уже «Серебряный олень» просто забурлил. Никто не остался равнодушным к разыгрывающемуся представлению: кто-то вопил о недопустимости такого вида дуэли, кто-то заявлял, что эльф в своем праве, кто-то просто кричал, чтобы все свершилось как можно скорее.

Воспользовавшись моментом неразберихи, я спустился еще ниже и тихонько обратился к эльфу:

— Месье Арчер, скажите, если я составлю вам компанию, вы согласитесь на дуэль на шпагах с этими господами?

— А что, лук и стрелы — это действительно такая проблема в Монтере?

— При дуэли — да. У нас это не принято и может вызвать массу кривотолков.

— Что ж, месье Орлов, — он оценивающе посмотрел мне в глаза, — я слышал о вас. И я вам доверяю. Пусть будет шпага и двое против троих.

В этот момент мне подумалось о том, что совершенно незнакомый эльф доверяет мне гораздо больше, чем я сам. И еще о том, что, возможно, я сошел с ума или чересчур возгордился, если сам являюсь зачинщиком дуэли с неравными условиями. Нет, я не испугался, напротив — находился под влиянием чувства необычайной уверенности в своих силах. Но, по большому счету-то, я человек мнительный, никогда особыми талантами не блистал, как говорится, «звезд с неба не хватал», потому и не привык безоговорочно верить в свои силы. А тут просто чувствовал, что сейчас могу одолеть любого противника. То ли этому способствовали одержанные в последние дни победы, то ли сыграло свою роль то, что я наконец-таки разобрался с самим собой, но уверенность в благополучном исходе дела у меня была. Вот я и боялся, чтобы уверенность на самом деле не оказалась самоуверенностью, которая, как известно, до добра не доводит...

Между тем известие о предстоящем групповом поединке еще больше взбудоражило посетителей трактира. Народ повалил на улицу. Наиболее азартные монтерцы спешно делали ставки на результат дуэли, кто-то спешил занять место на крыльце трактира, кто-то побежал звать на зрелище друзей и домочадцев. Так что, когда мы спустя пять минут вышли на Вторую Ремесленную, она уже оказалась буквально запружена людьми. Они стояли на тротуарах, торчали в окнах домов, свешивались с балконов, мальчишки облепили деревья и фонарные столбы. Кроме масляных фонарей освещение должны были обеспечивать не менее двух десятков факелов, сейчас спешно распределяемых по зрителям первого ряда добровольными распорядителями из народа — представление должно быть хорошо видно всем.

— Замечательный у нас народ! — ошеломленно пробормотал я себе под нос.

— Ага! — хмыкнул разобравший мои слова эльф. — Они замечательно будут радоваться

как твоей победе, так и твоему поражению!

— Орлов! — виконт де Рибейк не скрывал своего раздражения. — Конечно же, нам всем очень хочется ткнуть тебя носом в дерьмо, в которое ты сам влез по уши, но вас двое против нас троих, а мы в этом видим урон для нашей чести. Не хотелось бы разговоров о нечестности и тому подобной ерунде. Поэтому найдите-ка себе третьего компаньона. Или мы будем вынуждены бросить жребий на лишнего.

— Знаете, виконт, странно слышать о чести от людей, которые только что были готовы зарезать втроем всего одного противника. Решайте сами свои проблемы!

— Ах ты, деревенское быдло! — прошипел мне в лицо де Рибейк. — Я научу тебя хорошим манерам!

— Давай-давай! — усмехнулся я в ответ.

— Благородные господа! — после недолгого совещания с товарищами обратился виконт к толпе. — Может, кто-то желает составить компанию шевалье Орлову и эльфийскому тану, дабы уравнять шансы и сделать поединок более зрелищным?

— Действительно редкий цинизм! — отметил Арчер. — Четверть часа назад он и не задумывался о равенстве составов.

— Не думаю, что найдутся желающие, — усмехнулся я, — в этом городе я теперь что-то вроде прокаженного.

— Почему это? — удивленно вскинул белесые брови эльф.

— Долго объяснять, — отмахнулся я.

Но я ошибся.

— С вашего позволения, Орлов, я составлю вам компанию, — из толпы выступил мой недавний секундант барон дю Бартез.

— Хорошая ли это идея, барон?

— Не уверен, но с тобой весело, Орлов! А я люблю веселье! К тому же, — тут Бартез нехорошо усмехнулся и кивнул в сторону д'Эмери, — у меня остался кое-какой должок перед одним из твоих противников. Ну что, Эмери, — громко осведомился он у шевалье, — закончим наше дельце? А то в прошлый раз-то вас было на одного больше!

— Как скажешь, Бартез, как скажешь, — мрачно отозвался д'Эмери, как видно, не очень довольный подобным развитием событий.

— Орлов, если ты не возражаешь, я займусь этим шумным толстяком. — Кого-нибудь другого могла удивить или даже возмутить подобная фамильярность Арчера, но я-то с эльфами в свое время пообщался, потому был знаком с их манерой общения.

— Мне без разницы.

Какие-то люди взяли на себя обязанности секундантов, но я уже не обращал на это никакого внимания. Плащи и камзолы были сброшены на руки добровольным помощникам, участники поединка изучали своих противников. Секундантов слушали вполуха, правила дуэли были всем известны. Начинать бой нужно было с определенного противника, но в ходе боя можно было действовать против любого представителя противной стороны.

Итак, мне в соперники достался виконт де Рибейк, чему я был чуточку рад. Во-первых, хотелось с ним поквитаться за оскорбительные слова, во-вторых, мне всегда было трудно сражаться против таких габаритных соперников, как барон дю Плине. И раз уж тан Эйнаурральде счел именно его своим главным обидчиком, то так тому и быть: дадим возможность представителю союзного Эскаронскому королевству государства утолить жажду мести.

Шевалье д'Эмери ничем особым не выделялся, и, поскольку его неожиданно взял на себя Бартез, я не стал до поры до времени проявлять к нему особенного интереса.

Все мои помыслы сейчас были связаны с господином де Рибейком. Роста он был маленького, худощавого телосложения, соответственно я должен был получить преимущество в длине рук и массе тела — может понадобится при столкновении — и, возможно, в силе. По короткому отрывку боя в трактире у меня сложилось впечатление, что он довольно быстр, но чрезмерно импульсивен. Что ж, сейчас все выяснится.

— Ну что же, господа, эн гарде, в позицию! — скомандовал я.

Спорить никто не стал. Три пары дуэлянтов заняли позиции друг напротив друга и отсалютовали шпагами. Шаг вперед — и три пары клинков скрестились. Зрители затихли в ожидании бесплатного зрелища.

В течение пары минут, а это — огромное время, многие дуэли за это время уже заканчиваются, шпаги лишь скользили одна по другой, звона стали еще не было слышно. Противники не спешили форсировать события, изучали друг друга, выжидали время для перехода к активным действиям.

Как и следовало ожидать, первым бросился в бой неистовый барон дю Плине. Со звериным рыком он пошел вперед, пытаясь нанести рубящий удар по светловолосой голове эльфа. Тот вольтировал — ловко отскочил назад, разрывая дистанцию, справедливо рассудив, что пытаться парировать удар такой силы себе дороже. Однако барон продолжать напирать на Арчера, нанося рубящие удары широкой амплитуды, поэтому очень скоро тану пришлось-таки не только уворачиваться, но и подставлять шпагу под клинок барона.

Бартез и Эмери начали бой не спеша, эдак академично, после каждой своей атаки позволяя провести атаку противнику. Посмотрим, сколько они выдержат в такой манере.

Впрочем, мне очень скоро стало не до наблюдения за товарищами. Рибейк сделал два быстрых шага вперед и выбросил вперед правую руку. Только благодаря тому, что в последний момент я успел уклониться назад, острое его клинка рассекло воздух в каких-то паре сантиметрах от моего лица. Он продолжил атаку и после незамысловатого финта попытался нанести укол мне в корпус из четвертой позиции. Я парировал и тут же направил свою шпагу в бедро выставленной вперед правой ноги виконта. К большому сожалению, он успел убрать ее назад, поэтому моя атака привела не к ранению, а всего лишь к потере темпа. Что ж, и это сейчас не лишнее, поскольку соперник действительно очень быстр.

Разозленный тем, что не все идет по его сценарию, Рибейк чертыхнулся и вновь бросился в атаку. Его клинок выписывал кружева с удивительной скоростью. Я только и успевал, что защищаться. Создавалось впечатление, что виконт поставил своей целью не просто прикончить меня, но сделать это максимально быстро. Вот тут он просчитался. Защищаться я умел, и с терпением у меня все было в порядке, а скорость... Скорости уравниваются очень быстро — как только мой противник начнет уставать.

Тут произошло такое событие, которое могло запросто перечеркнуть всю мою стратегию поединка. Напряженно наблюдая за художествами де Рибейка, я совсем упустил из вида остальных поединщиков. А вот барон дю Плине такой забывчивостью не отличался. Продолжая неистово насаждать на эльфа, в какой-то момент он оказался в опасной близости от меня. Слава богу, что у барона не было времени на удар шпагой и он всего лишь врезал мне локтем левой руки по ребрам.

Воздух со свистом покинул мои легкие, а самого меня отбросило на пару метров в сторону. На ногах удалось удержаться с трудом. Еще труднее оказалось парировать яростный

выпад почуявшего легкую добычу виконта. Пришлось быстро отступать, пытаясь при этом судорожно восстановить дыхание. Рибейк преследовал меня по пятам.

Помощь пришла так же неожиданно, как и удар дю Плине по ребрам. Видя мои затруднения, Арчер активизировался, заставил отступить барона на несколько шагов и, оказавшись поблизости от виконта, махнул клинком в его сторону.

Рибейк был начеку и вовремя отпрянул назад, зато я получил столь необходимую передышку и следующую атаку встретил уже организованно. Не сумев прикончить меня быстро, виконт взял паузу, чтобы отдохнуть и восстановить дыхание. Для меня это было очень даже кстати, поэтому пару минут мы только медленно перемещались по кругу, почти не скрещивая оружия.

От академичности Эмери и Бартеза не осталось и следа. Обоих захватил азарт боя, и они уже некоторое время неистово рубились к вящему восторгу публики. Оба успели нанести друг другу по несколько легких ран.

Активность барона дю Плине заметно снизилась. Дышал он уже с хрипом, с запястья правой руки капала кровь. Еще одна рана виднелась на груди — вокруг нее расплылось красное пятно, но сказать что-либо о серьезности ранения было нельзя. Тем не менее в этой паре, скорее всего, чаша весов стала клониться в сторону эльфа.

Рибейк снова бросился атаковать, но в его движениях уже не было первоначальной резвости. Он все же сумел достать меня в правое плечо, и его лицо озарилось секундной улыбкой при виде окрасившей мою рубашку крови. Но рана была пустяковая и только разозлила меня. В следующей же сшибке я ответил уколом в предплечье.

Не подав виду, что даже почувствовал укол, виконт ловко перехватил шпагу в левую руку, батманом сбил мой клинок в сторону и попытался нанести удар под руку. Но я парировал и изо всех сил ударил по слабой части клинка противника. В некоторых фехтовальных школах этот прием называется «кроазе» и в идеале приводит к потере соперником своей шпаги. Де Рибейк сумел удержать свое оружие, несмотря на искажившую лицо гримасу боли. Пришлось ему снова отступить и вернуть шпагу в правую руку.

После этого я провел несколько атак с разных направлений, неизменно при этом заставляя противника как можно больше работать раненой рукой. Если у виконта и возникли при этом какие-либо трудности, то заметно это не было никак. Он даже снова взвинтил темп, обрушивая на меня шквал своих атак. При этом еще успевал осыпать меня ругательствами, явно недостойными уст благовоспитанного дворянина.

То, что случилось в следующий момент, я никак не могу объяснить. Видит бог, я не хотел убивать противника и этот удар совершенно не готовил. И не выцеливал никакую часть его тела. Хотя позже не один раз приходилось слушать восторги о моей якобы блестящей контратакующей комбинации. На самом деле я не знаю, как это получилось. Я парировал атаки де Рибейка и в какой-то миг просто распрямил руку со шпагой, совершенно не успев сообразить, для чего это нужно. Словно кто-то другой направил мою руку. Виконт продолжал двигаться вперед и сам буквально нанизался на мою шпагу. Острие клинка вошло прямо в глаз.

Толпа пораженно охнула и через мгновение, когда бездыханное тело виконта рухнуло на мостовую, разразилась радостными криками. Оставалось только надеяться, что большинство зрителей действительно симпатизировали мне...

Секунданты бросились к Рибейку в надежде оказать помощь, но им лишь пришлось констатировать факт смерти.

Я повернулся к остальным участникам поединка и обнаружил барона дю Плине стоящим на четвереньках. Левой рукой он зажимал рану на груди, а опирался на правую руку, все еще держащую шпагу направленной на тана Арчера. Барон хрипло дышал, но продолжал исподлобья наблюдать за перемещениями противника. Дело было сделано. Эльф это тоже понимал.

— Сдавайтесь, барон, на вас живого места нет, — предложил тан Эйнаурральде, отступая на два шага назад.

Вместо этого дю Плине попытался подняться на ноги. Не вышло. Более того, лишь ценой больших усилий ему удалось не завалиться на бок.

— Проклятье! — придушенно воскликнул он. — Вы правы, месье эльф! Ваша взяла, я сдаюсь. И приношу вам свои извинения.

Эльф браво отсалютовал противнику шпагой. Подоспевшие секунданты уложили барона на носилки неизвестно как оказавшегося здесь доктора Каспара, проживавшего на другом конце квартала.

Осталась только одна пара дуэлянтов. Шевалье д'Эмери и барон дю Бартез едва стояли на ногах. Вернее, стоял на ногах Бартез, хотя и с трудом, а д'Эмери пришлось опуститься на левое колено, зажимая при этом раненое бедро. Тем не менее его шпага была нацелена в грудь противнику и сдаваться он не собирался.

— Сдавайся, Эмери, мы проиграли, — дю Плине приподнял голову с носилок, чтобы уберечь товарища от напрасного кровопролития.

— Он сейчас упадет, и победа будет за мной! — упрямо заявил шевалье.

— Черта с два! — хрипло возразил Бартез. — Я тут хоть до утра простоять смогу!

— Не валяй дурака, Эмери! Их теперь трое! Нашинкуют тебя втроем и будут в своем праве!

— Тысяча чертей, Бартез! — д'Эмери резким движением переломил свой клинок об колено и отбросил в сторону. — Твоя взяла!

Вот так наша партия одержала полную победу. С чем меня не преминул поздравить эльф. Правда, в свойственной этому народу фамильярно-валяжной манере:

— Мы победили, Орлов, поздравляю!

— Спасибо, — отрешенно буркнул я в ответ, все еще находясь под впечатлением от неожиданной развязки своего поединка с виконтом.

— Ловко ты его! Отличная атака!

— Я ни при чем, просто повезло...

— А, ну да, — усмехнулся Арчер, — с Красной Маской повезло, с де Косуэнсом повезло, с де Рибейком повезло. С таким везением ты скоро станешь опасней Дюмуа и Надаля!

— Что-то я устал сегодня, — на меня действительно навалилась бешеная усталость, — спать пойду.

— Давай-давай. Я зайду к тебе на днях.

Эльф растворился в толпе гораздо раньше, нежели я успел поинтересоваться, для чего он, собственно, ко мне зайдет. В конце концов, какая разница. Я махнул рукой на загадочного представителя лесного народа и отправился в свои апартаменты.

[Купить полную версию книги](#)